

Станислав Стратиев

Автобус

Станислав Стратиев

Автобус

Комедия в двух действиях

www.stanislavstratiev.org

Автобус

© Станислав Стратиев, 1980. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2007. Все права защищены.

Перевод с болгарского Ника Глен, Мира Михелевич.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения правообладателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сознательный.

Несознательный.

Виртуоз.

Влюбленный.

Влюбленная.

Безответственный.

Он.

Она.

Дядька из Супонева.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пустой автобус – обшарпанный, облезлый и трясучий. Сейчас он стоит на конечной остановке. Осень. Вечереет. Ветер приносит откуда-то пожелтевшие листья, наметает их под колеса. Некоторое время возле автобуса ни души. Только осенний ветер усердно гонит листья. Но вот появляется первый пассажир. Это Сознательный. Ему лет пятьдесят, если не больше, одет со вкусом, в руке пухлый кожаный портфель с шикарными замками. Обводит пустой автобус взглядом, выбирая место. Останавливается на втором ряду, ставит портфель, долго трет сиденье носовым платком, садится, достает из кармана газету и погружается в чтение. Внезапно энергичным движением складывает газету, встает, пересаживается в третий ряд, по другую сторону прохода. Какое-то время сидит там, посматривая в окно, но вскоре возвращается на прежнее место, опять разворачивает газету. Появляется Дядька из Супонева.

Д я д ь к а и з С у п о н е в а. Вечер добрый!

Второй пассажир чуть постарше Сознательного, ему под шестьдесят, по виду явно уроженец одного из сел по соседству с Софией, в руках у него плотно набитый мешок. Супоневский житель озирается по сторонам и, волоча за собой мешок, идет в конец автобуса. Садится в одном из последних рядов, у прохода. Поставив мешок поаккуратнее, отирает со лба пот, долго шарит в карманах, достает проездной талон, компостирует и возвращается к своему мешку.

С о з н а т е л ь н ы й. За мешок тоже надо бы прокомпостировать.

С у п о н е в с к и й (*не понял*). Чего?

С о з н а т е л ь н ы й. Я говорю, надо за мешок пробить.

С у п о н е в с к и й. Это еще зачем?

С о з н а т е л ь н ы й. Багаж!

С у п о н е в с к и й (*удивленно*). Это мешок-то багаж?!

С о з н а т е л ь н ы й. Естественно.

С у п о н е в с к и й. Какой же он багаж, когда самый что ни на есть простой мешок. Будь, к примеру, чемодан или чего-нибудь такое, понейлоновой, тогда конечно, а тут... (*Пренебрежительно машет рукой.*)

С о з н а т е л ь н ы й (*по-прежнему глядя, в газету*). Вот придет контроль, оштрафует, тогда узнаете, багаж это или не багаж.

С у п о н е в с к и й. Сроду не слыхал, чтобы мешок – и вдруг был багаж.

С о з н а т е л ь н ы й. Да бросьте, прекрасно вы это знаете, но такой уж мы народ. Нам бы только на дармовщинку. Только бы кого обдурить.

Супоневский встает, компостирует второй талончик.

С у п о н е в с к и й (*ворчливо*). Ладно уж, он мне про народ объяснять

будет. Вечно у них народ виноват. Вроде только мы народ, а они и не народ вовсе. (*Садится рядом со своим мешком.*)

Тишина. Сознательный читает газету, обиженный Дядька из Супонева сидит возле мешка. Слышится смех. Влюбленные, обнявшись, пытаются одновременно протиснуться в двери автобуса. Проем недостаточно широк, но они не отказываются от своих попыток и в конце концов входят. Садятся на задней скамейке, помогают друг дружке опустить воротник. Он – на ее плаще, она – на его куртке. затем она поднимает его воротник снова.

В л ю б л е н н а я. Тебе так лучше.

В л ю б л е н н ы й. Тебе тоже. (*Поднимает ей воротник.*)

В л ю б л е н н а я. Мне – нет. (*Опускает воротник.*)

Влюбленный обнимает ее за плечи, что-то шепчет на ухо. Тем временем в автобусе появляется Несознательный. Ему лет тридцать пять – сорок. В руках буханка хлеба и потертая кожаная сумка – из тех, какие носят монтеры. Прокомпостиrowав билет, садится в середине салона, у окна. Вслед за ним в дверь просовывается черный футляр виолончели. Чья-то рука осторожно поддерживает его. затем в автобусе появляется и владелец руки – Virtuoz. Это человек средних лет, длинные волосы то и дело спадают на лоб. Virtuoz обводит автобус высокомерным взглядом, колеблется – куда бы сесть, впереди или сзади. Осторожно пронесит виолончель вперед. Там, слева, свободно. Сначала он кладет на сиденье виолончель – нежно, как новорожденного младенца, – потом садится сам. И тут же смотрит на часы. Машинально сгибает и разгибает пальцы – издавна ставшее привычкой упражнение для разминки.

С у п о н е в с к и й. А этот почему не пробивает за свою скрипку? Она, что ль, не багаж?

Virtuoz оборачивается, пренебрежительно взглядывает на него и не достаивает ответом. Сознательный погружен в газету.

За мешок – плати, а за скрипку...

Никто не отзывается. В автобус входит Она – женщина лет тридцати пяти, тщательно одетая, в элегантном плаще, хорошо причесанная, интеллигентного вида. Садится к окну. Немного погодя входит Он – человек лет пятидесяти, тоже с умным, интеллигентным лицом, в модном плаще. Обводит автобус якобы рассеянным взглядом, внимательно рассматривает пассажиров и направляется к женщине в плаще.

О н. Извините, тут свободно?

О н а (*не глядя на него, равнодушно*). Садитесь.

Он садится, ставит в ногах полную хозяйственную сумку. Откидывается назад и

исподтишка посматривает на женщину. Она безучастно смотрит прямо перед собой. Он следует ее примеру.

О н . Я не мешаю? (*Слегка отодвигает сумку.*)

О н а (*равнодушно*). Нет, не беспокойтесь.

О н . Какой вечер, а? Не понять – то ли конец осени, то ли начало зимы.

О н а (*холодно*). Не обратила внимания. Вы случайно не метеоролог?

О н . Нет, обычно я тоже не обращаю внимания, но сейчас столько прождал автобус! А так я и не замечаю, осень на дворе или весна...

О н а . Это ваше личное дело. (*Смотрит в окно.*)

В автобус входит, запыхавшись, человек лет пятидесяти, небритый, помятой одежде, пыльных ботинках. В руках у него авоська, в которой две буханки хлеба, пакет молока, пучок латука, укроп и бутылка виноградной водки. Это Безответственный.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й . Чуть не ушел из-под самого носа! Конечная остановка, машин скопилось видимо-невидимо, я туда, сюда... Пока нашел... Один в Супонево, другой – в Обеля... Уф!

С у п о н е в с к и й . А нешто этот не в Супонево?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й . Нет. Городской автобус, не видишь? В центр идет.

С у п о н е в с к и й (*с досадой*). Где ж его увидишь? Ничего не написано ни снаружи, ни внутри... Ах ты, чтоб ему пусто было, на третий автобус пересаживаюсь... (*Волочит мешок по проходу.*) Руки у них отвалятся – табличку повесить. (*Проходя , мимо Сознательного, сует прокомпостированные билеты ему в карман.*) Держи на память от народа! (*Выходит.*)

Б е з о т в е т с т в е н н ы й . Видать, ничего земляк на базаре не продал, вот и злость берет. Таблички ему вывешивай. Одно слово – частники!..

Каждодневно порождают капитализм. Верно я говорю?

Бесцеремонно хлопает Виртуоза по плечу. Тот оборачивается, бросает на него взгляд, полный бесконечного презрения, и, не ответив, принимает прежнюю позу. Безответственный, нимало этим не обескураженный, обращается к Сознательному.

А вы как считаете – порождают или не порождают?

С о з н а т е л ь н ы й (*не отрываясь от газеты*). Элементарные истины.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й . Может, и элементарные, да ведь порождают.

Насмотрелся я на них на рынке... (*Садится, некоторое время молчит.*)

Скоро поедем?

С о з н а т е л ь н ы й (*по-прежнему не подымая глаз от газеты*). По расписанию.

Безответственный (*скептически*). Сроду не видал, чтобы автобусы ходили по расписанию. Это будет первый. (*Удобно располагается на сиденье.*)

Какое-то время в автобусе царит молчание. Сознательный читает газету. Влюбленные, сидя в обнимку, перешептываются. Несознательный смотрит в окно. Он и Она демонстративно смотрят в разные стороны. Virtuoz нервно поглядывает на часы. Безответственный с улыбкой наблюдает за ним.

Безответственный. Скрипочка у вас здорова.

Virtuoz (*надменно*). Вы что-то сказали?

Безответственный. Скрипка, говорю, большая.

Virtuoz (*презрительно*). Это не скрипка.

Безответственный. Да? А чего же?

Virtuoz. Вы не можете хоть минуту помолчать?

Безответственный. А что? Мешаю?

Virtuoz. Раздражаете. (*Пересаживается на другое место.*)

Безответственный. Нервы, мил человек, нервы. Самый что ни на есть страшный бич для современного человека. Сегодня его раздражают, завтра выводят из себя, и – хлоп! – в психушку. Их теперь лечебницами называют, а на деле обыкновенный сумасшедший дом. Да ты не бойся, там тоже люди.

Virtuoz осознает, что спорить с этим субъектом ниже его достоинства. Пересаживается еще дальше.

Пауза.

Они в таких скрипочках младенцев перевозят.

Сознательный (*оторвавшись от газеты*). Вы о ком?

Безответственный. Есть такие. Иностранцам продают. Потому там рождаемость низкая.

Она. Перестаньте вы, ради бога!.. (*Передергивает плечами.*)

Безответственный. На руках-то его не понесешь – сразу будет видно: опоил чем-то ребенка.

Она. Оставьте, что вы! (*Машет руками, словно отгоняя от себя это кошмарное видение.*)

Virtuoz делает вид, будто разговор его не касается, но явно нервничает – то и дело смотрит на часы, барабанит пальцами по сиденью... Безответственный поглядывает на него.

Безответственный. Ну, им тоже не позавидуешь. Дело опасное,

нервы не выдерживают... Все их раздражает...

Взгляды пассажиров невольно устремляются на Виртуоза. Тот сидит с каменным лицом, молча глядя перед собой.

Безответственный (*прислушивается*). Похоже, ребеночек плачет...
Сознательный (*отрывается от газеты*). Глупости! (*Тоже прислушивается.*)

Безответственный. Да-да! Вон оттуда слышно! (*Показывает на виолончель.*)

Сознательный, Он, Она и Безответственный напряженно слушают. Ни звука. Только ветер воет за окнами.

Сознательный. Это ветер.

Безответственный. Может, ветер, а может, и нет.

Она. Почему мы не едем?

Безответственный. Эй, мил человек, у тебя там ребеночек или скрипка? Скажи как на духу – видишь, дамочка волнуется.

Виртуоз, поглядев на него с еле сдерживаемой яростью, не произносит ни слова и вновь смотрит перед собой.

Придется, значит, открыть... (*Протягивает руки к футляру.*)

Виртуоз (*вскакивает*). Не смейте! Я не позволю притрагиваться к моему инструменту! Вы и половины его не стоите!

Безответственный. Если там скрипка – чего ерепенишься? (*Опять тянется к футляру.*)

Виртуоз. Убери свои грязные лапы!

Безответственный. Братцы, дело нечисто!

Виртуоз. Как только вошли в автобус, так и несете всякий вздор.

Никогда не пользуюсь городским транспортом; да разве в этом районе поймашь такси! Больше получаса ждал. Но теперь вижу, что лучше было бы ждать еще столько же. Я бы, конечно, ждал, но у меня запись. Один такой попутчик способен на месяц вывести из равновесия. (*Садится возле Сознательного.*)

Сознательный. А почему бы вам не открыть футляр? Не так уж трудно, по-моему.

Виртуоз. Может, вы тоже думаете, что я вожу в нем младенцев? Вы же интеллигентный человек!

Сознательный. Естественно, я так не думаю, но проверка никогда не мешает. Важно разрядить обстановку.

В и р т у о з. Нет.

С о з н а т е л ь н ы й. Что вы упрямитесь? Проверка – высшая форма доверия.

В и р т у о з. В таком случае снимайте брюки.

С о з н а т е л ь н ы й. Что вы сказали?

В и р т у о з. Снимайте брюки!

С о з н а т е л ь н ы й. Вы понимаете, что вы говорите?

В и р т у о з. Проверим, кто вы – мужчина или женщина. Я подозреваю, что вы переодетая женщина.

С о з н а т е л ь н ы й. Чепуху городите.

В и р т у о з. Что вы упрямитесь? Мы только проверим. Ведь проверка – высшая форма доверия! Не хотите? А я должен хотеть? Кому приятно, когда его оскорбляют ни с того ни с сего? Только потому, что какой-то безответственный тип непрерывно порет всякую дичь? Я не обязан никому подчиняться. Вы такие же пассажиры, как и я.

Сознательный молчит. Безответственный возвращается на свое место. В тишине слышно, как водитель наконец садится в кабину, с силой захлопывает за собой дверцу. Двери автобуса, шипя, сдвигаются. Мотор два-три раза всхрипнул и застучал. Автобус трогается. Кабины водителя не видно, она отгорожена ситцевой занавеской. От тряски занавеска колыхается.

О н а (*шепотом*). Ты зачем сюда сел?

О н (*шепотом*). Все чисто.

О н а (*шепотом*). Неважно, не надо было садиться рядом. Вон тот, во втором ряду, какой-то подозрительный.

О н (*шепотом*). По-моему, я его где-то видел.

О н а (*шепотом*). Если он из нашего института – мы погибли.

О н (*шепотом*). Пересесть?

О н а (*шепотом*). Не надо, еще хуже будет... Привлечешь к себе внимание. Хоть бы на следующей остановке никто из наших не сел.

О н (*шепотом*). Не сядут. Мы же специально пережидали в кукурузе, пока все не разъехались.

О н а (*не сдержавшись*). Осточертела мне такая жизнь!

О н. Ну ладно, допустим – нет свободных мест, поэтому я тут и сел.

О н а (*шепотом*). Как это нет? Пустой автобус.

О н (*шепотом*). Да ладно, ты что хочешь – отдать им квартиру?

О н а (*шепотом*). Не кричи!

О н (*шепотом*). Взять и подарить квартиру? Просто так? У нас, видите ли, есть еще родовые замки!

О н а (*шепотом*). Ты не можешь потише?

О н (*шепотом*). Я и так тихо. У меня скоро связки порвутся. Они и от шепота рвутся, не только от крика.

О н а (*шепотом*). Кошмар какой-то, все время кричишь.

О н (*шепотом*). А ты вообще не имеешь права меня учить – мы с тобой в разводе.

Она вдруг всхлипывает, прячет лицо в ладонях. Он, оглянувшись по сторонам, нежно гладит ее по щеке.

О н а (*всхлипывая*). Не могу больше. Не могу...

О н (*шепотом*). Но у нас нет другого выхода. Детям-то где жить? Мы обязаны были это сделать...

О н а (*шепотом*). Но я больше не могу... В институте все пристают, расспрашивают... Невыносимо!

О н (*шепотом*). Хорошо. Давай снова распишемся, а вторую квартиру отдадим за так, неизвестно кому.

О н а. Если б мы хоть работали в разных местах... (*Спохватившись, понижает голос.*) Где нас не знают...

О н (*шепотом*). Куда ты пойдешь? Не говори глупостей! Другого института по нашей специальности нету. Ничего, терпи, иначе нельзя. Только, пожалуйста, не изображай меня извергом. А то я, видите ли, бил ребенка шлангом от стиральной машины! "Чтобы не оставалось следов"!

О н а (*шепотом*). А что было делать?.. Ты же знаешь Пеневу, как пристала... "Почему развелись? Как же это: так дружно жили и вдруг развелись?!"

О н (*шепотом*). А про несовершеннолетних из балетного училища зачем? Будто я с ними... Люди от меня теперь шарахаются...

О н а (*шепотом*). Ты же сам сказал: придумай что-нибудь похлеще... Чтоб перестали спрашивать...

О н (*шепотом*). "Похлеще"! Как бы меня еще за это с работы не выгнали... Сегодня начальник отдела вызывал.

О н а (*шепотом*). Насчет чего?

О н (*шепотом*). Насчет всего. Пьянство, садизм, несовершеннолетние...

О н а (*шепотом*). Господи!.. И что же?

О н (*шепотом*). "Что же"! Перевоспитывать будут! У всех, говорит, есть свои недостатки, но ты, мол, перешел всякие границы. Полный набор, сокровища Тутанхамона.

О н а. А ты зачем так много пьешь? Печень испортишь.

О н. Сама раззвонила, что я тайный алкоголик. От меня спиртом должно разить – не сиренью же.

О н а. А драку с Ивановым зачем затеял?

О н. Как же иначе? Пьяница, гуляка, а никому морду не бьет. И мебель не ломает... Подозрительно.

О н а. А ты, что ты про меня несешь?.. Потаскуха – ну ладно, я понимаю, мы так условились; но что я родного отца отравила? Имей в виду, папу я тебе не прощу!

О н. А что было делать? "Потаскуха" не произвела на них никакого впечатления.

О н а. А мне плевать на их впечатления. Я запрещаю осквернять память моего отца!

О н (*шепотом*). Не кричи!

О н а. Не позволю делать из меня отцеубийцу!

О н. Ты чего хочешь? Чтобы до всех дошло, что мы развелись только для того, чтобы сохранить вторую квартиру? А ты понимаешь, чем это может обернуться?.. Общественность как возьмется... И с работы можем вылететь, и квартиру отнимут...

О н а. Всему есть предел.

О н. Не волнуйся, словам алкоголика особой веры нет. Но и ты тоже, пожалуйста, не кокетничай у меня на глазах, не то...

О н а. Я ведь потаскуха, надо же оправдывать свою репутацию...

О н. Но незачем это делать с таким удовольствием.

О н а. А как – с отвращением? Тогда сразу догадаются!

О н. А может, ты и в самом деле...

О н а. Что-о-о?!

О н. Может, это истинная твоя сущность, а все прочее...

Она смотрит на него, кусая губы, зажмуривается, беззвучно плачет. Он мрачно смотрит прямо перед собой. Автобус мерно покачивается. В салоне тихо.
Пауза.

Н е с о з н а т е л ь н ы й (*Виртуозу*). Извините, вам не кажется, что мы едем как-то не так? (*Пристально смотрит в окно.*)

В и р т у о з. Что значит – не так? В каком смысле?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. В смысле что не тот маршрут.

В и р т у о з (*равнодушно*). Не могу вам сказать, я в этом районе живу временно.

Н е с о з н а т е л ь н ы й (*вглядываясь сквозь стекло*). Ну да, вон какой-то завод, мельница, а этот автобус мимо мельницы никогда не ходил, я точно знаю, десять лет езжу.

В и р т у о з. Возможно. Не знаю. Какое это имеет значение? (*Пожимает плечами.*)

Несознательный продолжает всматриваться, потом оборачивается к пассажирам.

Несознательный. Граждане, можно у вас спросить куда мы едем?
Сознательный (*складывает газету, которую до сих пор читал*). Что вы этим хотите сказать?

Несознательный. Хочу узнать, куда мы едем.

Безответственный. Гляди, еще один выискался из деревни.

Сознательный. Разве вы не знаете, куда идет этот автобус?

Несознательный. Знаю. Потому и спрашиваю.

Безответственный. Если тебе, милоч, в деревню Супонево, скорей дуй отсюда.

Несознательный. Мне в центр.

Сознательный. Почему же вы тогда спрашиваете?

Несознательный. Потому что автобус идет не по своему маршруту. С самого начала свернул в сторону и с тех пор кружит и кружит. Совсем по другим улицам едем.

Сознательный (*смотрит в окно*). Вам показалось. На улице темно.

Несознательный. Но не настолько, чтобы не различить, какие улицы.

Все, кроме Virtuоза и занятых собой Влюбленных, приникают к окнам.

И еще один вопрос.

Безответственный. Больно много вопросов задаешь.

Несознательный. Мы должны были проехать уже две остановки.

Почему он ни разу не остановился?

В ту же минуту автобус замедляет ход и останавливается.

Безответственный. Чего волнуешься? Вот, пожалуйста, остановился.

Двери с шипением раздвигаются, и в автобус входит Дядька из Супонева со своим мешком. Двери закрываются. Автобус трогается с места.

Супоневский. Вечер добрый. В Супонево идет?

Безответственный. Здорово, мил человек! Аккурат в другую сторону.

Супоневский (*оглядывает автобус*). Вроде я в этот уже влазил.

Безответственный. Влазил, влазил. Но это ничего, будь как дома. Присаживайся.

С о з н а т е л ь н ы й. Видели? Значит, остановки все-таки есть. Вероятно, частично изменили маршрут.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Теперь их чуть не каждый день меняют.

Пауза.

С у п о н е в с к и й. Невезучий я на автобусы на эти! В четвертый сажусь – и все не туда. Только-только из одного вылез, тоже не супоневский был, и давай топать – по одной улице, по другой, совсем заплутался...

С о з н а т е л ь н ы й. Вы разве не на остановке сели?

С у п о н е в с к и й. Не. Увидал автобус, давай махать, он и остановился.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Говорят вам – мы едем не по своему маршруту.

С о з н а т е л ь н ы й. Не судите с кондачка – может, и по своему.

С у п о н е в с к и й. А мне-то теперь чего делать? Не иначе снова вылезать.

Пауза. Никто не удостоивает его ответом.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Ну вот, опять повернул. Никогда он столько раз не сворачивал.

С у п о н е в с к и й. Вылажу! Эдак мне до свету домой не попасть... Путь до Супонева неблизкий...

(Подходит к занавесочке.)

Эй, сынок, притормози-ка, я слезу – опять не на тот сел...

Автобус сбавляет ход, останавливается, двери раздвигаются. Супоневский житель со своим мешком выходит. Рейс продолжается.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Что же мы сидим? Давайте спросим водителя.

С о з н а т е л ь н ы й. Тише! Что вы кричите? "Спросим", "спросим"...

Идите и спросите.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Может, он спрямить хочет.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Так уж и спрямить! Вон какие восьмерки выписываем!

С о з н а т е л ь н ы й. Надо больше доверять водителю.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Доверять-то я доверяю, только мне надо вовремя попасть домой. Паяльник отдать соседу.

С о з н а т е л ь н ы й. Но с чего вы взяли, что не поспеете?

Н е с о з н а т е л ь н ы й *(показывая на часы)*. Полвосьмого! Нам пора уже быть на пятой остановке, там на перекрестке электрические часы, я всегда свои проверяю. А мы, сами видите, мотаемся неизвестно где.

С о з н а т е л ь н ы й. Лично я не сомневаюсь, что мы прибудем вовремя.

Остальное меня не волнует. И прошу вас: не вовлекайте в свои сомнения других пассажиров. Впрочем, на вашем месте я вообще не стал бы сомневаться. Человек вы сравнительно молодой...

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Ну и что с того, что молодой? Я же пенсию прошу. Я хочу, чтобы автобус шел по своему маршруту. Для этого тоже требуется трудовой стаж?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Больно много вопросов задаешь!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Не я этот маршрут придумывал. Я устал! Целый день вкалывал и хочу скорее домой. Паяльник опять же надо соседу вернуть. (*Показывает.*) Если до восьми не отдам, он уедет в Пловдив. Без паяльника.

С о з н а т е л ь н ы й. Ни у кого нет желания ночевать в автобусе, но зачем без всяких оснований оскорблять водителя своим недоверием?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Почему без оснований? Основания сколько угодно. И потом – почему не спросить? Какая тут обида?

С о з н а т е л ь н ы й. Разговаривать с водителем запрещается.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Самовольно менять маршрут тоже запрещается. А он меняет.

С о з н а т е л ь н ы й. Откуда вы знаете? Может, ввели новый маршрут.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Это когда же? Утром ехали как всегда.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Утром, может, как всегда, а днем взяли да поменяли. Не тебе их учить, когда маршруты менять. Делай свое дело, а в чужое не суйся.

Н е с о з н а т е л ь н ы й (*вне себя от возмущения*). Я-то свое делаю.

Потому и требую, чтобы они делали свое.

С о з н а т е л ь н ы й. Так молоды, а уже полны сомнений. Мы в ваши годы были исполнены веры.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Ничего я не полон сомнений. Я просто вижу.

Автобус обычно идет по проспекту, а этот черт-те где...

С о з н а т е л ь н ы й. Дался вам этот проспект! Самый прямой путь к цели не всегда самый короткий. Может, мы едем по гипотенузе.

О н. Да пусть он спросит у водителя. Что тут особенного?

О н а (*держит его за рукав*). Молчи. Даже лучше, если другой дорогой, никому не попадемся на глаза.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Устал как собака, неохота мне трястись еще неизвестно сколько. Пойду спрошу. (*Встает.*)

С о з н а т е л ь н ы й. В последний раз говорю вам: не раздражайте его зря!.. Неблагодарумно.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Слышь, ты что – не соображаешь? Он может вообще остановить автобус и всех нас высадить. Что тогда делать будем? Они народ нервный, обидчивый. Еще, чего доброго, монтировкой огреет.

Сиди и не рыпайся.

Несознательный идет к кабине водителя, исчезает за занавеской. В автобусе тишина. Слышно лишь, как рокочет мотор. Минуту спустя занавеска приходит в движение, и Несознательный расплывается перед нею. Пассажиры вскакивают.

О н а. Убили!

С о з н а т е л ь н ы й. Говорил я – не раздражайте его!

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Монтировкой шарахнул. Он небось голос повысил...

О н. Как же можно монтировкой?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. А чем еще? Тут склада нет, что под рукой, тем и действует.

В и р т у о з. Ну и район!

Он, Она и Безответственный поднимают Несознательного с пола, укладывают на сиденье, хлопчут над ним.

О н а. Врача случайно нету?

О н. Воды дайте. Ни у кого нет воды?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. У меня водка. Но сперва проверьте, живой ли, чего зря добро переводить.

С о з н а т е л ь н ы й (*который вообще не двигался с места*). Проверьте, пульс есть?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Проще зеркальце поднести.

Все оборачиваются к Ней. Она лихорадочно роется в сумочке, находит зеркальце, протягивает Безответственному. Тот подносит его к лицу пострадавшего.

О н а. Дышит.

С о з н а т е л ь н ы й. Удар нанесен из чисто педагогических соображений.

В и р т у о з. Очнулся?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Очнется, очнется, да поздно. Ведь говорили ему...

О н. Дайте ему хлебнуть водки.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Держи! (*Подает бутылку.*) Много-то не лей. Мне не останется.

Он вливает водку в рот Несознательному.

О н. Он ведь побитый!

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Мы этого побитого битый час уговаривали

дурака не валять – вольно ему было не слушаться. Эй, если ты ему по стольку вливать будешь, я тоже, пожалуй, соглашусь получить монтировкой по башке. *(Отбирает бутылку, делает большой глоток.)*
В и р т у о з. Разрешите зеркальце? *(Долго трет, машинально смотрится. Приходит в ужас от того, как он выглядит.)*
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Заживет как на собаке. Малость полежит – оклемается.

Несознательный продолжает лежать не шевелясь, остальные расходятся по местам. Молчание. Лишь время от времени с задней скамьи доносится смех – там сидят Влюбленные, которым ни до чего нет дела, они заняты только собой. Пассажиры, каждый в отдельности, стараясь, чтобы другие этого не заметили, вглядываются в окна.

С о з н а т е л ь н ы й. Интересный маршрут.
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Петляем, как лисица.
О н. Да, поворот за поворотом.
О н а. Что ж, неплохо.
С о з н а т е л ь н ы й. Это еще что! На трассе в Монце семьдесят восемь поворотов.
О н. Вся разница в том, что, если их одолеешь, получишь пятьдесят тысяч долларов.
С о з н а т е л ь н ы й. Вы забываете, что там существует эксплуатация человека человеком.
О н. Не забываю. я просто сообщаю как факт.
С о з н а т е л ь н ы й. Дело в том, что многие забывают.
О н а. Он не из таких. Он даже участвовал в освистывании царя Фердинанда перед Народным театром.
О н. Перестань.
О н а. Да, участвовал.
О н. Ничего я не участвовал. Мне тогда три года было.
О н а. Но ты был возле театра, когда его освистали? Был?
О н. В коляске. Мама катала.
О н а. И свистел в свистульку. Ведь свистел?
О н. Я и до приезда Фердинанда свистел. Новая свистулька была, мне ее только-только подарили.
О н а. Важен факт. Мог бы и не свистеть. Мог спать, как сотни других. А ты – свистел. Не спал, а свистел. От возмущения.
С о з н а т е л ь н ы й. А вы откуда знаете?
О н а. А мы... мы в одном классе учились. Вся школа знала.

В автобусе снова наступает молчание.

О н (*шепотом*). Сама кличешь волка в овчарню!
О н а (*шепотом*). А ты зачем отрицаешь.
О н (*шепотом*). Я не отрицаю, но это же смешно.
О н а (*шепотом*). Почему? У других и вовсе никаких заслуг, а они... Ты человек передовой...
О н (*со вздохом*). Передовой, да разведенный.
О н а (*успокаивая*). Ничего, и разведенные бывают передовыми...

Пауза.

Слышно только, как шумит мотор и позвякивают оконные стекла.

Безответственный. Надо чего-то делать...
Сознательный. Например?
Безответственный. Ну, не знаю... Время-то идет. Если дело затянется, пожухнет мой латук... Салат не тот выйдет...
Сознательный. Мы уже пробовали позондировать почву... (*Кивает в сторону Несознательного.*)
Виртуоз. Меня это начинает тревожить. (*Нервно расхаживает по проходу.*)
Сознательный. Что именно?
Виртуоз. Вот это. (*Неопределенно обводит рукой вокруг.*) Человек лежит без сознания. Поворот за поворотом. За окнами темно...
Сознательный. Вечер. Светло сейчас на другом полушарии. Закон природы.
Виртуоз. Я хотел сказать – мы едем по неосвещенным улицам.
Сознательный. Это мы и сами видим. У вас есть предложения?
Виртуоз. У меня?! (*Отрицательно мотает головой.*) У меня никогда в жизни никаких предложений не было! (*Произносит эти слова с гордостью.*)

Вновь наступает молчание. Несознательный шевельнулся, все взоры устремляются к нему – он поворачивается на другой бок и продолжает лежать.

Безответственный. Иду! А там будь что будет... (*Отхлебывает из бутылки.*)
Сознательный. Вы издали... Ближко не подходите.
Безответственный. Знаю... Не ближе, чем на длину монтировки. Но издали и не расслышишь.
О н. Мотор шумит.
Безответственный. Двум смертям не бывать, одной не миновать!

Водку держите наготове! (*Протягивает бутылку Ему.*)

Подходит к кабине, скрывается за занавеской. Все приподнимаются, с любопытством ждут, что будет дальше. Он откупоривает бутылку. Проходит минута, другая. Безответственный не показывается.

О н а. Ну что же он не выходит?!

В следующий миг появляется Безответственный. Целый-невредимый, рот до ушей.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Мы едем за хлебом!

Пассажиры в полном недоумении. Он машинально отхлебывает из бутылки.

О н. Как – за хлебом?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Ищет открытую булочную. Ему нужно три буханки. Этот (*кивком показывает на Несознательного*) верно говорил: мы едем не по своему маршруту. По нашему ни одной булочной нет.

О н а. Нас дома дети ждут! Нельзя же на автобусе гонять за покупками.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Я ему сказал.

О н. А он?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Что я, говорит, не человек? Что у меня – детей нету? Вашим надо есть хлеб, а моим не надо?

О н. Купил бы раньше. Если машинист вздумает на поезде за хлебом ездить – что тогда будет? Вы представляете?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Не мог он раньше. Весь день за баранкой. Без хлеба, говорит, меня жена в дом не пустит. Жена, говорит, тоже на транспорте работает, уходим оба рано, приходим поздно, если с вечера не купить – дети весь день без хлеба.

С о з н а т е л ь н ы й. Логично!

В и р т у о з. Ну и район!

О н. И до каких же пор мы будем ездить за хлебом?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Говорят, тут неподалеку вроде есть булочная. Три минуты езды.

Наступает молчание. Вскоре автобус останавливается. Громко хлопает дверь водительской кабины. Те, кто сидит со стороны булочной, приникают к окнам.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Идет в булочную.

О н. Продащица считает выручку.

О н а. Что же он не входит?

С о з н а т е л ь н ы й. Не может. Закрыто.

О н. Безобразие! Детское время, а уже закрыто!
С о з н а т е л ь н ы й. Как раз когда люди ходят за хлебом.
О н а. Стучит в окно. Откроет, как вы думаете?
С о з н а т е л ь н ы й (*возмущенно*). Считает как ни в чем не бывало! Ну и люди!..
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Не откроет...
О н а. Назад идет.
О н. Такой уж мы народ. Зимой снегу не выпросишь...
С о з н а т е л ь н ы й. Не обобщайте.
О н. Я не обобщаю. Просто говорю о своих наблюдениях.
С о з н а т е л ь н ы й. Дело в том, что некоторые обобщают...
О н а. Он не из тех, кто обобщает. Он...
С о з н а т е л ь н ы й. Знаю. Освистывал Фердинанда...
О н а. Да. Перед Народным театром.

Водитель залезает в кабину – слышно, как хлопает дверь. Автобус снова трогается. Молчание. Неожиданная остановка, двери с шипением раздвигаются, входит супоневский дядька со своим мешком. Двери закрываются, автобус едет дальше.

С у п о н е в с к и й. Вечер добрый. Автобус супоневский, нет?
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Ну вот! Я так и знал, что он еще не добрался до своего Супонева.
С у п о н е в с к и й. Как же я доберусь, когда всё не те автобусы. Пешком не больно-то доберешься.
О н (*нервно*). А сюда вы как попали?
С у п о н е в с к и й. "Как"! Увижу автобус – тяну руку, коль остановится – сажусь, спрашиваю. Но только ни один в Супонево не идет. Цельный вечер мотаюсь. Погоди, погоди, вроде бы я в этот уже садился.
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Подумаешь, делов! От силы раза два-три. Ты не волнуйся!
С у п о н е в с к и й. Ага, я по скрипке узнал. (*Кивает на Virtuоза.*)
Выходит, и в этом ехал... (*С мистическим ужасом.*) Где же наше Супонево, мать вашу за ногу! Никак сквозь землю провалилось? Что ж теперь делать-то? (*Колеблется.*) Ладно, остаюсь тут... При таких порядках, глядишь, и в Супонево завезет...

Волочит мешок в конец автобуса. Останавливается, не доходя до заднего сиденья, потому что видит Влюбленных, которые как раз в эту минуту замерли в долгом поцелуе. Супоневский смущенно поворачивает назад, опускается на первое попавшееся место. Мешок проталкивает к окну, сам садится рядом. Вдруг автобус останавливается, хлопает дверь водительской кабины. Все преникают к окнам, кроме Влюбленных, Дядьки из Супонева и Несознательного, по-прежнему лежащего на сиденье.

О н. Эта открыта.
Безответственный. Погоди, пусть сначала войдет...
О н. Вошел.
О н а. Прекрасная булочная. Чистота и порядок. Кафель так и сверкает. .
О н. И продавщица тоже... Глядите, халат какой. Аж светится!
Сознательный. А вы чего ждали?!

О н. Именно этого я и ждал. Никогда не ждал ничего иного.
Безответственный. Хороша бабенка...
Супоневский. Кто? (*Привстает.*)
Безответственный. Продавщица. Ну, сильна...
Супоневский (*торопливо подходит, тоже всматривается сквозь стекло*). Где, где?
Безответственный. Глянь, какие улыбочки строит... Позавидуешь этому водителю. Сходить, что ль, тоже... (*Направляется к двери.*)
О н. Он почему-то недоволен.
О н а. Пнул прилавок...
Безответственный. Назад идет!
Сознательный. Нет хлеба. Кончился.

Они еще сидят, прильнув к окну, когда дверь кабины захлопывается, включается мотор и автобус трогается в путь. А они продолжают сидеть, не отрываясь от окон. Потом медленно расходятся по местам.

Супоневский (*заметив Несознательного*). А этот чего разлегся?
Сознательный. Плохо стало...
Супоневский. Водочкой попахивает... Когда больше трех литров выдуешь – будет плохо, дело известное.
Безответственный. Нет. Мы ему немножко влили, чтобы очухался.
Супоневский. То-то он у вас очухался.

На какое-то время опять наступает тишина. Вспыхивают фары встречных машин, пробегают по салону автобуса, по лицам пассажиров.

О н. Слишком эта история затянулась...
Сознательный. Какая история?
О н а (*дергает Его за рукав*). Молчи! Не вмешивайся!

Он умолкает.

В и р т у о з. В самом деле, что за безобразие?
Сознательный. Вы о чем?

В и р т у о з. Я не прислушивался к вашей беседе, но думаю, нам давно пора быть на месте. Почему мы останавливаемся у булочных? Что еще за новости?

С о з н а т е л ь н ы й. Водитель хотел купить своим детям хлеба. Быть может, вы не согласны, что хлеб должен быть у всех?

В и р т у о з. Конечно, согласен! Я и другие лозунги знаю. "Свобода, равенство и братство", например. Ну и что? Почему мы еще не приехали?

С о з н а т е л ь н ы й. Потому что мы ищем хлеб.

В и р т у о з. Но это смешно! *(Встает, нервно расхаживает по проходу.)* У меня запись! Меня ждут сто семнадцать человек! Вся филармония!

Понимаете? И дирижер! Понятно вам? Дирижер из "Штатсгранд Опера"! И вдобавок – хоровая капелла. Что прикажете делать хоровой капелле, пока мы тут ездим за хлебом?

С о з н а т е л ь н ы й. Я за хоровые капеллы не отвечаю.

В и р т у о з. Естественно. Вопрос был чисто риторический. Конечно, вы не отвечаете за хоровые капеллы, это видно невооруженным глазом. Я спрашиваю вас, что будут делать эти люди, около двухсот человек, все без исключения – прекрасные музыканты, отличные профессионалы, виртуозы? Что прикажете делать звукорежиссерам, техникам записи, всему персоналу, который ждет меня в студии? Известно вам, кто сегодня дирижирует? Знаете ли вы, сколько тысяч долларов заплатили за то, чтобы он приехал и дал у нас несколько концертов? Известно ли вам, что с нами уже подписан договор на пластинку, которую мы сегодня будем записывать? Я спрашиваю, известно вам это?

Пауза, молчание.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Неизвестно ему.

В и р т у о з. Конечно! Это у него на лбу написано. А солист, Леопольд Браухенцоллер?

С у п о н е в с к и й. Кто-кто?

В и р т у о з. Который прилетел только ради этой записи и завтра утром улетает обратно!

С у п о н е в с к и й *(удивленно прищелкивает языком)*. Ц-ц-ц!..

В и р т у о з. А если этот праздник искусства сорвется? Известно вам какие могут быть международные осложнения? Ведь это мероприятие по линии ЮНЕСКО! Понимаете – ЮНЕСКО! Культурное сотрудничество! Народы мира – плечом к плечу, диалог двух культур! В конечном счете – борьба за мир! Речь идет о спасении нашей планеты! Понимаете – планеты! А мы тут, видите ли, за хлебом ездим... *(Садится, вытирает вспотевший лоб.)* Не понимаю! Объясните, бога ради, я ничего не понимаю!..

Безответственный. А чего тут понимать, и так все ясно.
Она. Меня дома ждут двое детей. Впрочем, я даже не уверена, что их двое. Старший забирает младшего из детсада. А забрал ли?.. Вечно забывает. Прошлый раз мы с милицией их разыскивали. И знаете, где нашли. На вокзале. Спят... Собрались к бабушке в гости, в село! Представляете, в село!.. Пятьдесят километров от Софии!

Он закрывает лицо руками.

Безответственный. В какую сторону?

Она. Какая разница, в какую сторону, когда одному три года, а другому семь!

Супоневский. Ц-ц-ц!..

Она (со слезами). Кто знает, где они сейчас! Живы ли? Я хочу домой, к моим мальчикам!..

Он. Тихо, тихо, спокойнее! (Однако у него тоже на глазах слезы.)

Безответственный. А мне, думаете, легко? Полбутылки водки уплыло. (Кивает на Несознательного.) Латук завял, а дома брат ждет, мы с ним сговорились нынче помянуть отца-покойника, ровно год, как помер, царство ему небесное. Брат небось меня сейчас кроет последними словами, думает, я где-то загулял. Потом скажет – ничего для тебя святого нету, хоть бы ради родного отца приехал вовремя, выпили бы вместе по стаканчику, помянули старика. Так нет же, наакался незнамо где! А я разве наакался? Вы все свидетели. (При слове "свидетели" все отворачиваются.) Вот это мне хуже смерти – никто не верит! Говоришь им, душу раскрываешь, а они не верят. Живи после этого.

Супоневский. Меня тоже небось заждались, да мое дело на особицу: то ли завернем в Супонево, то ли нет. Потому я и помалкиваю.

Сознательный (увидев, что остался в одиночестве). Товарищи! Вы неправильно меня поняли, я с вами, я такой же пассажир, как и вы. У меня тоже есть дети, тоже брат... И тоже положение особое. Но надо быть сознательным. Не поддаваться эмоциям. Что вы предлагаете?

Безответственный. Предлагай, не предлагай – толку шиш! Но с меня хватит! Иду к водителю, разьясню обстановку – и конец! (Делает глоток, отдает бутылку Ему.)

Безответственный исчезает за занавеской, остальные напряженно ждут его возвращения. Он открывает бутылку, Виртуоз вынимает зеркальце, протирает, держит наготове.

Она. Господи, хоть бы уговорил!

С о з н а т е л ь н ы й. Шансы – фифти-фифти.

С у п о н е в с к и й (*не понял*). Чегой-то?

С о з н а т е л ь н ы й. Пятьдесят на пятьдесят. Может, уговорит, а может – нет.

С у п о н е в с к и й. Чего пятьдесят-то?

О н. Как он долго...

В следующую секунду Безответственный выходит из-за занавески. Он ошеломлен, он все еще переваривает то, что узнал от водителя. Чего-чего, а уж этого он не ожидал. Все взгляды устремлены к нему. Он молчит.

С о з н а т е л ь н ы й. Ну?

О н. Что случилось?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Мы едем в Плевен.

Пассажиры переглядываются, не в силах поверить.

О н а. Это невозможно!

В и р т у о з. Абсурд!

С о з н а т е л ь н ы й. То есть как – в Плевен?!

С у п о н е в с к и й. Через Супонево не проедем?

О н. Вы шутите?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й (*качая головой*). Нет.

При этих словах все вскакивают, бросаются к окнам. Все – кроме Влюбленных, по-прежнему занятых собой. И, естественно, Несознательного.

О н а. В самом деле, кругом – поля.

В и р т у о з. Когда мы успели выехать из города?

О н. Этого не может быть!

С о з н а т е л ь н ы й. Поля, однако, прекрасно обработаны. Посмотрите, какая вспашка.

С у п о н е в с к и й. Значит, это не Супонево!..

Постепенно все возвращаются на места. Тишина. Слышно только, как свистят шины.

О н. Но почему вдруг Плевен?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й (*он по-прежнему ошеломлен, потрясен, растерян*). Родной город, говорит. Тут, говорит, все булочные закрыты, а если даже какая и открыта, так неизвестно, какой там хлеб остался. А в Плевене, говорит, у меня мать, с каких пор не виделась... Замесит хлеб. Курочку зарежет. Красенького нацедит пятилетней выдержки... знаешь,

говорит, каков моя мать хлеб печет. Нигде такого нету. Сверху петушков выведет, крестики, корочка румяная, душистая, поджаристая... Посижу на топчане, где я соску сосал, где вырос, где столько было игр да забав... Отец песни пел про героев-смельчаков, про турок и разбойников... За окошком звезды мерцают, деревья примолкли... Только ручеек во дворе журчит, поблескивает при лунном свете, будто золотой... Ничего, говорит, нет лучше родного края, почему мы так редко вспоминаем о нем?..

После этого монолога в автобусе воцаряется молчание, элегическая атмосфера, словно все разом вспомнили отчий дом, родные края и теперь смотрят перед собой невидящими глазами. В воздухе носятся воспоминания и запах айвы, разложенной на старых комодах. Каждый возвращается в пору своего детства, к тому, что дороже всего.

О н (*вздыхает*). Значит, Плевен...

С о з н а т е л ь н ы й (*прочувствованно*). Плевен... Шипка... Скобелев на белом коне... (*Декламирует.*)

Шумно, празднично кругом.

И нарядны, и румяны,

К храбрым девушки спешат,

И в цветах ряды солдат,

Ружья, сабли, кони, пушки...

Словно братьев дорогих,

Все встречают их: "Здравствуйте, братушки" ...

О н. Иван Вазов.

В и р т у о з (*вскакивает, возмущенный*). Какие ружья, какой Вазов!

Помилуйте! До Плевена сто семьдесят километров! У меня запись!..

С о з н а т е л ь н ы й. Ох редко, до чего же редко вспоминаем мы про родителей, никогда не можем выкроить для них время. А как это славно – поехать, вот как наш водитель, повидаться, поговорить... Старики уходят из жизни, жаждут услышать доброе слово... Отчего бы ему не съездить к матери?

В и р т у о з. Пусть едет, но завтра. Сегодня у меня запись. А завтра – пусть едет, пожалуйста.

С о з н а т е л ь н ы й (*благостно, отеческим тоном*). Вы не правы. Вот ведь – музыкант, а не чувствуете музыки: "И нарядны, и румяны, к храбрым девушки спешат, и в цветах ряды солдат..." Представляете?

С у п о н е в с к и й. Аккурат я в Плевене никогда не был, не довелось...

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Беда в том, что мы можем туда и не попасть.

О н. Как? А куда же?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й (*мрачно*). Никуда.

С о з н а т е л ь н ы й. Так не бывает. Куда-нибудь, а попадем.

Безответственный. Ага. Туда. Наверх.

(Показывает на небо.)

Сознательный. Куда – наверх?

Безответственный. На небеса.

Виртуоз. Что вы несете! На небеса еще не хватало! Предупреждаю: у меня запись! Я вас предупредил! Вы предупреждены!

Она. Пойдите, пойдите! Что значит – на небеса?

Безответственный. Пьет он.

Сознательный. Водитель?! Что он пьет?

Безответственный. Водку. Виноградную. Прямо из горла. *(Тяжело вздыхает.)*

Сознательный *(встает)*. Какой ужас. Почему вы сразу не сказали?

Безответственный. Когда? Вы же сразу начали речь толкать.

Сознательный. Не верю.

Виртуоз. Я тоже.

Он. Невероятно! Он не имеет права пить на работе, он отвечает за жизнь пассажиров.

Она. Водители никогда не пьют!

Супоневский. Батюшки!

Безответственный. Идите смотрите сами!

Сознательный, посмотрев на него, осторожно приближается к занавеске, заглядывает за нее. Войти не решается, просовывает только голову. Потом молча, сокрушенно возвращается на место. Виртуоз в свою очередь поднимается, нервной походкой идет к занавеске, заглядывает за нее и возвращается бледный, судорожно сжимая и разжимая пальцы. Не произносит ни слова. Следом поднимается с места Она, но Он решительным жестом кладет ей на плечо руку, заставляя сесть, и сам с обреченным видом направляется к занавеске. Заглядывает, возвращается побледневший и расстроенный, молчит. Садится рядом с женой, сжимает ей руку.

Супоневский. А мне и ходить не к чему – и так видать.

Пауза.

Безответственный. Он вывалит нас в первую же пропасть.

Почти в тот же миг раздается ужасающий вой, треск, гул, фары ослепляют всех. Автобус подсакивает, кренится вправо, все падают в ту же сторону... И так же внезапно, как началось, все прекращается – они разминутся с двумя огромными грузовыми машинами. Мало-помалу пассажиры выползают из-под сидений, поднимаются с пола, встают...

Сознательный. В следующий раз можем и не разминуться. Как быть?

Дорога каждая секунда. На карту поставлена наша жизнь.

С у п о н е в с к и й. Давайте свернем на Супонево.

С о з н а т е л ь н ы й. Попрошу без шуточек! Вопрос стоит так: останемся мы в живых или нет. Предлагаю всем усвоить эту мысль и отнестись к ситуации с должной серьезностью.

С у п о н е в с к и й. Какие шуточки? Коли уж помирать, так хоть поближе к родному селу. У меня там могилка оплоченная. *(Снимает шапку.)*

Все потрясены его словами. Молча переглядываются.

О н *(с надеждой)*. А может, у него в бутылке и не водка.

С о з н а т е л ь н ы й. Что же? Лимонад?

О н. Вода. Может, налил в бутылку из-под водки.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Он еще на конечной остановке начал. В павильоне, где я водку покупал.

С о з н а т е л ь н ы й. И вы ничего не сказали?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Почему я знал, что это наш? Я и сейчас не уверен. Но там были сплошь водители, ругали порядки на автобазе.

Приняли по сто грамм.

С о з н а т е л ь н ы й. Не вода это. Раз в Плевен едет – никакая не вода.

В и р т у о з. Перестаньте, пожалуйста, шутить – на что это похоже? Весь вечер! Сначала за хлебом, потом в Плевен, теперь – водка... Это уж слишком! Я вас предупреждал. У меня запись, и я не могу включиться в ваш маленький розыгрыш. А вообще-то дико смешно. Просто умереть со смеху.

С о з н а т е л ь н ы й. В том-то и дело, что не розыгрыш это. Положение настолько серьезно, что нам не до розыгрышей. Как быть, товарищи?..

(Встает, прохаживается по автобусу.) Какие принять меры?.. Думайте, все думайте!

Б е з о т в е т с т в е н н ы й *(вытаскивает бутылку с водкой)*. Предлагаю хлебнуть по глотку!

С о з н а т е л ь н ы й. Прекратите! В такую минуту!

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. А что? В самый раз. Малость расслабиться, чтоб было не так страшно. На фронте перед наступлением, говорят, давали по двести грамм. *(Смотрит на бутылку.)* По двести не достанется, больно нас много, а по глотку всем хватит. Притом на фронте больше шансов уцелеть – лично в тебя могут и не попасть. А здесь в любой момент можно сверзнуться с кручи. Шансов уцелеть – один из тысячи. Так что выпьем! Пока не поздно.

Торжественно отпивает глоток, передает бутылку Ему. Тот молча берет бутылку,

отпивает, передает жене. Она смотрит на него, словно молча прощается навсегда, отпивает. Передает бутылку Виртуозу. Тот, отхлебнув, передает ее Сознательному. Сознательный после некоторого колебания делает глоток и передает бутылку Супоневскому. Это выглядит безмолвной торжественной эстафетой участников какого-то заговора.

С у п о н е в с к и й. А молодые – сзади которые – пить не будут?
С о з н а т е л ь н ы й (*оборачивается назад*). Верно говоришь. Они тоже имеют право сделать глоток. А может, что и придумают, молодежь теперь находчивая. Эи, молодые люди!.. Подите-ка сюда.
В л ю б л е н н ы й (*неохотно*). В чем дело?
С о з н а т е л ь н ы й. Подойдите на минутку.
В л ю б л е н н ы й. Душою мы и так с вами.
С о з н а т е л ь н ы й. На одну секунду.
В л ю б л е н н а я. Если на секунду – пошли?
В л ю б л е н н ы й. Я же им сказал – душою мы с вами. А телом лучше оставаться тут. (*Обнимает Влюбленную за талию.*)
В л ю б л е н н а я. Зовут, неудобно...
В л ю б л е н н ы й. Если уж тебе так хочется. (*Подходит к остальным пассажирам.*) Э-э, да вы тут угощаетесь?
В л ю б л е н н а я. У кого-то день рождения?
С о з н а т е л ь н ы й. Видите ли, вы были несколько... в стороне от события, разыгравшихся в нашем автобусе, и, вероятно, не совсем в курсе.
В л ю б л е н н ы й. А об чем речь?
С о з н а т е л ь н ы й. Тут кое-что произошло... Но ладно, не в том дело. Гораздо важнее то, что мы сейчас едем в Плевен.
В л ю б л е н н ы й (*обрадованно*). Не может быть! Ур-ра!!! До утра вместе!

Они обнимаются.

В л ю б л е н н а я. Потрясно!
В л ю б л е н н ы й. Да ведь мы ехали в центр, как вы устроили этот номер? Факиры, просто факиры!

В эту секунду автобус с воем и треском разъехался со встречным грузовиком. Свет фар заливают салон, ослепляет пассажиров. Кое-кто падает с сидений.

В л ю б л е н н ы й (*с восторгом*). Ого, на двух колесах взял поворот! Тоже факир!
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Слышь, парень! Ты что, не усек, что творится?
В л ю б л е н н ы й. А что? Едем в Плевен. Эх, если бы еще в ресторанчик какой попасть!..

Влюбленная (*будто заказывая блюдо*). Мне – шашлык!
Безответственный. Видал, как мы с грузовиком разминулись?
Влюбленный (*с восторгом*). На один миллиметр! Как бритвой срезал!
Сознательный (*кричит*). Слушайте, вы! В следующий раз мы
разобьемся вдребезги – наш водитель пьет водку!
Влюбленный. Ну и что?
Сознательный. Из горлышка!
Влюбленный. Вас огорчает, что не из стакана?
Сознательный. Да поймите! Как только его развезет – нам конец!
Разобьемся ко всем чертям!
Влюбленный. Ах вот что вас волнует? Да сейчас вся Европа пьет за
рулем. Это нормально. А мы решили – и впрямь что стряслось. Пошли!
(*Влюбленные возвращаются на свои места.*)
Сознательный. Вот вам современная молодежь – им все до
лампочки.

Пауза.

Он. А может, в бутылке все же простая вода? Где гарантия, что это водка?
Сознательный. Тщетные иллюзии.
Он. Почему же? И то и другое одинаково вероятно.
Супоневский. Фифти-фифти.
Она. Конечно, может, и вода. Зачем предполагать худшее?
Сознательный. Вообразим тогда лучшее – что мы с вами едем на
экскурсию в Италию.

Пауза.

Чем тешить себя иллюзиями, пошлем к нему делегацию. Это будет
солидно. Поставим вопрос спокойно, заверим водителя, что мы люди
сознательные, понимаем его побуждения, одобряем их, убеждены в его
правоте, но... пусть он нас тоже поймет, мы тоже люди. В конце концов,
живем в гуманную эпоху. Ну, а потом поступим по обстоятельствам...
Безответственный (*скептически*). "Поступим"... Знаю я, как мы
поступим...
Сознательный. Первым делом надо позондировать почву – понять, в
каком он настроении, весел или раздражен, и соответственно выбрать
подход. Это крайне важно. Главная предпосылка успеха.
Он. Так давайте зондировать? Кто пойдет?
Сознательный (*показывает на Безответственного*). Он, у него уже
есть опыт. Пойдет и сообщит водителю, что к нему направляется

делегация. И одновременно определит, в каком он настроении...
Безответственный. Ничего это, ясное дело, не даст. Но так уж и
быть... Иду!

Он исчезает за занавеской водительской кабины. Остальные напряженно ждут
результатов разведки.

Виртуоз. По-моему, зря вы это затеяли. Посылать какие-то делегации...
Сознательный. А вы что предлагаете? Поиграть в жмурки? Или
сделать вид, будто мы едем осматривать исторические памятники? Нельзя
сидеть сложа руки, нельзя рассчитывать на слепой случай!.. Надо
действовать.

Безответственный выходит из-за занавески, направляется к столпившимся в середине
салона пассажирам.

Ну, в каком он настроении?

Безответственный. Говорил я вам! Слышать не хочет.

Сознательный (*изумленно*). Чего он не хочет слышать?

Безответственный. Про делегацию. Никаких, говорит, делегаций, я
водитель автобуса, а не Организация Объединенных Наций. Никаких
делегаций не принимает. Едем в Плевен. Кто не желает – пусть сходит.
Она. Как же мы сойдем – безлюдная равнина и голые скалы! Он с ума
сошел.

Он. То ли попадется какой-нибудь транспорт до Софии, то ли нет.

Виртуоз. Мы не выйдем. Иначе вообще до утра никуда не доберемся.

Что он себе позволяет?

Она. Он не имеет права!

Безответственный. А если, говорит, еще раз явится кто нудить у
меня над головой – огрею монтировкой. Надоело, говорит, каждые пять
минут ваши глупости слушать. Разговаривать с водителем запрещается.
Где вы раньше были? Почему молчали? И заперся изнутри.

Супоневский. До чего ж невезучий я на эти на автобусы! Хоть бы
когда-никогда в Супонево попасть, ночью ли, днем ли – все одно.

В автобусе наступает молчание. Каждый какое-то время размышляет о своем. Слышно
только позвякивание оконных стекол и металлических частей автобуса, который
трясется и время от времени подскакивает.

Сознательный. Я выхожу.

Остальные изумленно смотрят на него.

Лучше переночевать в чистом поле, чем свалиться в пропасть. До свидания! (*Берет свой портфель и направляется к дверям.*) Эй, товарищ, тут выходят!

Со стороны водителя никакой реакции.

Товарищ водитель, будьте добры! .. Я хочу сойти!

Он. Не слышит.

Безответственный. Так у вас ничего не получится. Вы в кабину.

Сознательный. Чтобы он меня монтировкой?

Виртуоз (*внезапно*). Я тоже выхожу. (*Берет виолончель и подходит к Сознательному.*)

Сознательный. Подите попросите его открыть.

Виртуоз. Это была ваша идея, вы и идите.

Сознательный. Имейте сознательность, иначе мы никогда не выйдем.

Оба стоят на подножке, выжидая, кто сдастся первым.

Виртуоз. Итак?

Сознательный. Я считаю, пойти должны вы хотя бы потому, что вы моложе.

Виртуоз. И пока я буду валяться без сознания, вы сойдете?.. Если хотите, идемте вместе.

Сознательный. Лишние жертвы. Достаточно одного человека.

Виртуоз. И этот человек – я? В таком случае можете выходить. Я остаюсь...

Он столь же внезапно возвращается на место. Сознательный, постояв перед дверью, вынимает из кармана носовой платок, привязывает его к сложенной газете и осторожно, на цыпочках приближается к занавеске. Просовывает за занавеску белый флаг, голову просунуть не решается. Ждет.

Сознательный. Товарищ!.. Я парламентар!.. Не собираюсь отвлекать вас разговорами. Я только хочу сойти... Вы же сказали, что можно сойти... (*Оглядывается на других пассажиров.*) Товарищ! Прошу вас!

Безответственный. Я же тебе сказал – он не слышит. В кабину надо. Мотор шумит.

Сознательный. Окажите мне услугу.

Безответственный. Какую?

Сознательный. Пойдите скажите ему.

Безответственный. Я тебе не почтовый голубь. Ходил уже, хватит.

С о з н а т е л ь н ы й. В последний раз! (*Понизив голос.*) Если угодно – за скромное вознаграждение.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Нет! Больше не пойду!

Сознательный, подумав, прячет белый флаг и медленно возвращается на свое место. Пауза. И вдруг – ужасный гул, звон, скрежет. Свет слепит глаза, пассажиры валятся вправо. И вновь тишина. Разминулись с очередным встречным грузовиком.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. На волосок проехали. Следующий раз врежемся.

С о з н а т е л ь н ы й. Что предпринять? Что делать?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Вот в чем вопрос!

О н а. Как говорит Шекспир: "Ту би ор нот ту би... "

С у п о н е в с к и й. Ты чего это?

О н а. "Быть или не быть". По-английски.

С у п о н е в с к и й. Мое мнение такое...

С о з н а т е л ь н ы й (*раздраженно перебивает его*). Знаю. Свернуть на Супонево. Это нам ясно!.. Но если так пойдет дальше, мы отправимся не в твое драгоценное Супонево, а к черту в зубы!.. Ну зачем я сел в этот автобус!.. Заче-е-ем?!

О н. Вопрос довольно нелеп: другого на остановке не было.

С о з н а т е л ь н ы й. Чем иронизировать, посоветовали бы лучше, как быть. Или вы считаете себя бессмертным? Надеетесь воскреснуть из пепла, как птица Феникс?.. Не надейтесь, разлетитесь на куски, потом и не соберут.

О н. Конечно. Тогда как вы отделаетесь легким недомоганием.

О н а. Не ссорьтесь. Надо что-то придумать, время идет!..

О н. А что он каркает? Я – на куски, а он? Останется целенький? Только плащ слегка помнет?..

О н а. Поговорим с водителем как люди, ведь он тоже человек, должен понять... Человек человеку брат. И надо договориться по-братски

С у п о н е в с к и й. Ежели по-братски, лучше и не начинайте... Мы с моими братьями всю жисть договориться не можем. После отца верба у нас осталась, так мы ее одиннадцатый год делим и никак не поделим.

Остальное все поделили, а вербу – никак. Никто не уступает. Нонешной весной один говорит: "Слушать больше ничего не желаю, забираю свою долю, а вы как знаете". Второй, как услышал, говорит: "И я свою заберу, я тоже в семье не подкидыш, верба эта – отцово наследство". Оглянуться не успели разрубили дерево на куски. Пока целое стояло – тень от него, ребятишки качели привязывали, а теперь от той доли, что каждому досталась, никакого проку. Одни обрубки, гореть не горит, обстругать – не

обстругаешь. Выбросили псу под хвост, можно сказать. Так что, ежели по-братски, лучше и не заводиться...

После тирады Супоневского наступает тишина.

Безответственный. А что, если... тюкнуть его чем по башке? Он сомлеет, а мы...

Сознательный (*продолжает*) ...проснемся в раю с только что прорезавшимися крылышками. Ведь автобус опрокинется! Нет, силой нельзя. Только убеждением. Вот тот волосок, на котором висит наша жизнь. Либо мы его убедим, либо погибнем. Надо что-то придумать. Думайте, все думайте.

Пассажиры столпились в середине автобуса.

Главное сейчас...

Супоневский. Ту би ор нот ту би!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пассажиры примерно в том же положении, в котором мы оставили их в конце первого действия, – напряженно думают. Исключение составляют, разумеется, Несознательный, который еще лежит, и Влюбленные в глубине автобуса, занятые друг другом.

Безответственный. Всегда хоть что-нибудь да приходит в голову, а тут – ни черта. Двадцать минут думаю – и ни одной мыслишки. Это потому, что вы всю мою водку вылакали.

Она. При чем здесь мы? Вы сами ее навязали.

Безответственный. Я навязал водку?! Да в жизни никому ни капли не навязывал!..

Сознательный. Не отвлекайтесь, думайте.

Снова наступает тишина, все сосредоточенно думают.

Безответственный. А деревня не думает.

Сознательный. Как так не думает?

Безответственный. А вот так. Дрыхнет.

Сознательный. Да как он смеет дрыхнуть, когда другие думают!

Это... Эй, дядя! Дядя!..

Супоневский (*открывает глаза*). А?.. Что? Приехали?

Сознательный. Ты что же это: почему не думаешь?

Супоневский. Я думаю.

Сознательный. Как же думаешь, когда ты спишь?

Супоневский. А я во сне лучше всего думаю.

Сознательный. Совершенно не сознают своей ответственности! Тут земля под ногами горит, а они спят.

Супоневский. Как это не сознаем? Очень даже сознаем.

Сознательный. Сознаешь, а спишь.

Супоневский. А со мной всегда так: только задумаюсь – и заснул. С самого детства. И братаны мои такие же. Коли делать чего надо – мы делаем, а задумаемся – пиши пропало. Не годимся мы для этого. Или заснем, или запьем.

Сознательный. Думай, дядя, думай. Не то заснешь вечным сном и не проснешься. Тогда поздно будет думать...

Супоневский. Да ладно, подумаю. Мне не жалко... (*Усаживается поудобнее.*)

В автобусе снова наступает тишина. Все думают, время от времени меняя позы, ерзая на сиденьях, прохаживаясь по проходу. Вдруг снова вой мотора, фары ослепляют всех, включая публику, и на секунду снова становится тихо. Опять разминулись.

С о з н а т е л ь н ы й. Скорее! Скорее! Нельзя больше ждать!.. Неужели ни у кого ни одной мысли?

О н (*нерешительно*). Вот если б товарищ со скрипкой... (*Умолкает.*)

С о з н а т е л ь н ы й (*подбадривая его*). Да-да, что именно?

О н. Поиграл бы ему немного. Я слышал, музыка исключительно благотворно влияет на нервную систему. Даже на диких зверей действует.

С о з н а т е л ь н ы й. Это факт. Музыка облагораживает.

О н. Когда играл Орфей, звери окружали его и слушали.

О н а. Я тоже где-то читала, что у перепончатокрылых, когда они слышат музыку, в два раза увеличивается работоспособность.

О н. И если бы товарищ со скрипкой был так любезен...

В и р т у о з (*дрожа от гнева*). Это не скрипка!

О н. Ну, все равно... Если бы вы...

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Да скажи наконец, мил человек, что это у тебя такое? Чего ты нас мучаешь? Весь вечер твердишь: "Не скрипка, не скрипка!" Мы теперь вроде как родственники, скажи уж. Помирать придется, так хоть это знать будем.

В и р т у о з. Виолончель. Если это вам о чем-нибудь говорит.

О н. Так вот, если бы товарищ с виолончелью согласился поиграть...

В и р т у о з. Никогда!

С о з н а т е л ь н ы й. Погодите, погодите, почему так категорично? Мы люди солидные. Почему "никогда"? Объясните!

В и р т у о з. Я не обязан давать вам какие бы то ни было объяснения.

С о з н а т е л ь н ы й. Конечно, кто же говорит об обязанностях? Но мы все-таки едем с вами в одном автобусе, нас ожидает одна участь, и, не будем скрывать, участь эта может быть ужасна. Я полагаю, вы могли бы объяснить нам свое поведение.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Товарищ абсолютно прав. Если вы человек сознательный, вы нам объясните.

Пассажиры, изумленные, поворачиваются к нему. Они не заметили, когда он успел прийти в себя и нормально, как все прочие, сесть на сиденье.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. О! Мил человек очухался.

В и р т у о з. Уж вы хоть не лезьте, вы же не знаете, о чем разговор. Не успели прийти в себя – и тут же "товарищ прав, товарищ прав"!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Почему не успел? Успел. Минут двадцать назад. Я вполне в курсе.

О н а. Что же вы не вставали? Мы уже на вас крест поставили.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Я думал.

Безответственный. О чем тут думать?

Несознательный. Как шарахнут тебя по голове, так задумаешься. Я пока лежал, у меня вся жизнь перед глазами прошла. И что я там увидел – одни завихрения, ни капли разума. Как далек я был от понимания смысла жизни, и как прав был товарищ (*смотрит на Сознательного*), когда наставлял меня... я лежал с закрытыми глазами и увидел смысл жизни, постиг его. Глаза мои были закрыты, но я видел правоту этого товарища, видел, как точно он оценивает обстановку, я мысленно был с ним...

Безответственный. Если тебя еще разок шарахнут, ты прямо на философский факультет валяй.

Сознательный. Мы уходим от главного, товарищи. Почему вы не хотите ему поиграть?

Виртуоз. Не ваше дело. Не желаю – и все тут.

Несознательный. Но где ваша сознательность? Вы видите, в каком мы положении.

Безответственный (*уговаривает*). Чуток музыки, и все может утрястись. Он разомлеет, станет покладистой, глядишь, и сам запоет... А всего делов – чуток музыки!

Виртуоз. "Чуток музыки"! (*Возбужденно.*) Что вы знаете о музыке! Что вы знаете о титанической мощи, о космическом размахе, о потрясающем воздействии искусства! Что вы знаете об этом апофеозе радости, света и человеческого могущества, об устремленных ввысь храмах гармонии и красоты, которые одни только и могут быть столпами вселенной!.. Об этом полете, об этом вознесении туда, в сияющие просторы любви и красоты, где мы сливаемся с божественным началом... Господи! Музыка...

Сознательный. Если речь идет о вознесении (*показывает наверх*), то мы имеем шансы вознестись и без помощи музыки. И мне кажется, это произойдет очень скоро как только автобус опрокинется.

Супоневский. Постой, ведь бога-то нет. Куда ж мы будем возноситься? Или снова чего переменили?

Сознательный. Насчет бога все по-прежнему, а вот в нашем положении как бы кое-что не переменилось.

Она. Но если музыка обладает такой силой, поиграйте ему хоть немного. На него обязательно подействует. Пожалуйста!

Несознательный. Поиграйте, чего вы ломаетесь?

Виртуоз. Играть? Здесь? В этом трясушем, дребезжащем драндулете?!

Мне, виртуозу? Я играл перед королем и королевой Бельгии! Я получил вторую премию на конкурсе в Ланжевене! Мне аплодировала английская Королевская опера! На моем концерте проливал слезы сам Герберт Караян!

И чтобы после этого я играл перед каким-то шофером?

Безответственный. Да если, кроме вас, некому!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Если вы не доведете его до слез, нам плакать придется.

О н. Кто же еще, если не вы! Другие ничего про апофеоз не знают...

В л ю б л е н н а я. Можно попросить у вас автограф?

Влюбленный смотрит на нее с возмущением.

С о з н а т е л ь н ы й. Может, вы и виртуоз, не спорю, но вы явно не понимаете создавшейся ситуации. Виртуозы тоже смертны!

В и р т у о з. Я предпочитаю смерть.

С о з н а т е л ь н ы й. Но это же глупо! Чего ради? Двойная потеря: вы навсегда лишитесь своей музыки, а музыка – своего жреца, служителя, виртуоза. Зачем? Кому это нужно? Во имя чего? Пять минут, очень вас просим!

В и р т у о з. Нет.

О н а. Но почему же? Всего пять минут. Ведь эта ваша профессия.

В и р т у о з (*словно его пронзили ножом*). Профессия? Музыка?! Музыка – это не профессия, это жизнь! Музыка для меня все – дом, семья, любовь! Я ею не торгую.

С о з н а т е л ь н ы й. Какая чушь! Немного поиграть водителю. Что тут особенного?

В и р т у о з. Поиграть водителю? Это компромисс, а я в искусстве на компромиссы не иду. И в автобусах не играю!

С о з н а т е л ь н ы й. И так, вы не играете в автобусах?

В и р т у о з. Нет!

С о з н а т е л ь н ы й. А перед королем и королевой?

В и р т у о з. Играю!

С о з н а т е л ь н ы й. И в английской Королевской опере?

В и р т у о з. Играю!

С о з н а т е л ь н ы й. А в автобусах нет?

В и р т у о з. Нет!

С о з н а т е л ь н ы й. Значит, перед трудящимися вы не играете. Какого-то там иностранца до слез доводите, а своих соотечественников не желаете?

По-вашему, это компромисс? Играть перед тем, кто вас возит, кормит и одевает, по-вашему, компромисс?

В и р т у о з. Я и перед нашей публикой играю. Речь шла о гастролях.

С о з н а т е л ь н ы й. Прошу не уходить от главного. Значит, храмы и апофеозы – это для королей, а для трудящихся – пшик. Так?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Ясненько...

В и р т у о з. Вы извращаете суть вопроса. Никогда я ничего подобного не говорил.

Несознательный. А вы извращаете суть искусства.

Сознательный. У вас получается так: для королей можно, для народа нельзя. Станный, знаете ли, взгляд на искусство, чрезвычайно странный.

Несознательный. Чего тут странного, наоборот, все очень даже ясно.

Виртуоз. Все, все переиначиваете. Я говорил о том, что искусство нельзя творить второпях, за несколько минут, когда кому-то вздумается, это вам все-таки не сапоги чистить...

Сознательный. Хотите сказать, что это не королевские сапоги.

Королевские-то вы, судя по всему, чистите, а?

Виртуоз. Никогда я не говорил, что не хочу творить для народа. Это просто смешно. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что именно он (*показывает на кабину водителя*) и есть народ. Народ – это все-таки нечто большее.

Сознательный. А вы не сомневайтесь.

Несознательный. Ваши сомнения выглядят очень сомнительно.

Сознательный. Имейте в виду, сомнения еще никогда ни к чему хорошему не приводили.

Виртуоз. И тем не менее я сомневаюсь.

Безответственный. Да сыграй ты, мил человек, а то как бы разрешение не отобрали! Сам видишь – хватка у них мертвая.

Виртуоз. Я же не семечками на базаре торгую. Мое разрешение здесь (*показывает на сердце*), его никто не отнимет.

Супоневский. Ха-ха!.. Насчет разрешения ты меня спроси, целыми днями небось толкусь на рынке. Еще как отымут, охнуть не успеешь. У моего соседа за одну неделю десять раз отымали...

Она. Маэстро, мы умоляем вас, поиграйте ему!..

Пауза.

Сознательный. Ну что? Будете играть людям из народа – или вам непременно голубую кровь подавай? Имейте в виду: в последний раз спрашиваю!.. Будете?

Виртуоз. Не буду!

Сознательный. Прекрасно!

Сознательный возвращается на свое место, неподвижно сидит, скрестив на груди руки. Виртуоз нервно вышагивает взад-вперед по проходу. Все взгляды прикованы к Виртуозу, один лишь Сознательный невозмутимо смотрит прямо перед собой.

Виртуоз (*минуту спустя*). Я еще не разыгрался... Как же можно?.. Без

репетиции... Не настроившись...

Н е с о з н а т е л ь н ы й (*вскакивает*). Пока вы будете настраиваться, мы гробанемся ко всем чертям! Зачем вам настраиваться, вы же виртуоз, у вас вторая премия в Ланжевене, перед бельгийским королем выступали...

Незачем вам настраиваться!

С о з н а т е л ь н ы й. Если вы Караяна до слез довели, то уж его тем более доведете... Ручаюсь! Робеть перед каким-то занюханным шофером...

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Только быстрее! Быстрее!..

В и р т у о з (*в волнении ходит по автобусу*). И все же, все же... Это как бы выездной концерт... Я не могу так... Настолько необычно...

С о з н а т е л ь н ы й. Ничего необычного, все на свете обычно. Покажите ему, что такое храм искусства. Ну, какой-нибудь из этих ваших...

(*Очерчивает рукой контуры прекрасных храмов.*)

О н а. Наша судьба в ваших руках, маэстро!..

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Смелей, мил человек, терять уже нечего.

О н. Вы спокойно, спокойно... Не волнуйтесь... Главное – не волноваться!..

В л ю б л е н н а я. А можно автограф?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Оставьте маэстро в покое! Не видите, в каком он состоянии?! Пусть соберется, сосредоточится... Он же виртуоз!

Все ходят вслед за Виртуозом, рядом с Виртуозом, суетятся вокруг него, как вокруг боксера, которому предложили выйти на ринг для третьего, решающего раунда. Виртуоз направляется к кабине, открывает дверь, но тут же возвращается.

В и р т у о з. Господи, мы забыли главное: что исполнить?

С о з н а т е л ь н ы й. Как "что"? Что-нибудь такое... наиболее... Сами знаете...

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Вы знаете, маэстро, знаете!.. Вы сами все знаете.

В и р т у о з. Нет. В том-то и дело, что нет... Какие вещи он любит? Может быть, "Вариации на тему рококо"... Чайковский...

С о з н а т е л ь н ы й. Вот именно, Чайковский. Чайковский лучше всего!.. Давайте! (*Подталкивает его к виолончели.*)

В и р т у о з. А может быть, Гайдн?..

С о з н а т е л ь н ы й. И Гайдн сойдет!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Давайте, давайте Гайдна! Лишь бы поскорее!

В и р т у о з. Нет, Гайдн не годится... я чувствую... Тогда что же? Что? "Менуэт" Дворжака? Нет... "Реквизбрус" Кассадо? Нет... Пожалуй, нет... Может быть, "Испанскую сюиту" Мануэля де Фальи?..

С у п о н е в с к и й. По мне – так "Реквизбрус".

В и р т у о з. Вы думаете? Вероятно, вы правы... Да-да, именно "Реквизбрус"... "Реквизбрус"!

Несознательный. Наконец-то!.. Давайте быстрее!
Безответственный. Этот реквиэбрус небось что-то вроде реквиема,
а? Самое для нас сейчас подходящее...
Виртуоз. Да нет же, нет, "реквиэбрус" – это "ласка"! Понимаете –
ласка...
Сознательный (*спокойно*). Тоже подходит, тоже, сейчас главное – не
опоздать. Вы готовы?

Все лихорадочно суетятся вокруг Виртуоза, поправляют ему воротник, приглаживают
волосы. несознательный протирает носовым платком виолончель. Муж вкладывает
Виртуозу в карман пиджака сложенный втрое платок. Жена локтем отчищает на спине
Виртуоза какое-то пятнышко.

Сознательный (*в последний раз оглядев его со всех сторон*). Идите. И
помните: все в ваших руках. В случае необходимости смените музыку.
Ориентируйтесь на месте. И главное – смотрите ему в лицо, все время
смотрите в лицо, чтобы вовремя понять, нравится ему или не нравится.
Виртуоз (*идет к кабине, но снова возвращается, он смущен*). Я не во
фраке, но... сами понимаете, автобус... экспромт...
Сознательный (*подталкивая его к кабине водителя*). Да-да, именно...
автобус... экспромт... Это неважно, идите! Главное – музыка!..
Безответственный. Слушай, мил человек!..

Виртуоз снова возвращается.

Да плюй ты на все с высокой горы! Хуже не будет.
Виртуоз. От души вас благодарю!

Взволнованный Виртуоз идет со смычком и виолончелью к кабине. Скрывается за
занавеской. Все сидят не шевелясь, повернувшись туда лицом.

Сознательный. Тихо!
Несознательный (*вторя ему*). Тихо!

Из кабины доносится звук виолончели. Мелодия возникает еле слышно, потом
разливается шире, полная затаенной боли и тоски, взмывает ввысь, вопрошая, стеная,
проникает в сердца и души, целиком завладевает нами. И уже не существует ничего
больше – ни окружающего мира, ни людей, ни автобуса, нет ничего, только музыка.
Пассажиры притихли, лица у них печальные, задумчивые. Музыка увлекла их за собой.
Только на лице у Влюбленного играет скептическая улыбка. Мелодия обрывается так
же внезапно, как началась. Вспыхивают бурные аплодисменты, пассажиры вскакивают
с мест, рукоплещут, охваченные пылкой радостью и надеждой. Один лишь
Влюбленный продолжает сидеть, все так же скептически улыбаясь.

О н а (*аплодируя*). Браво! Браво!
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Е-ще! Е-ще! (*Скандируя, хлопает в ладоши.*)
О н а. Мы спа-се-ны! Мы спа-се-ны! Мы спа-се-ны!

Все начинают хлопать в ладоши, скандируя: "Мы спасены! Мы спа-се-ны!" В момент наибольшего воодушевления и радости занавеска отодвигается, из-за нее медленно выходит Virtuoz. Аплодисменты и возгласы постепенно стихают. Наступает тишина. Все взгляды устремлены на Virtuоза. Лицо его мертвеннобледно, безжизненно, он растерян, подавлен. Прячет виолончель и смычок в футляр, кладет его рядом с собой на сиденье и, ни на кого не глядя, садится. Все молчат.

Пауза.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Эй, мил человек, что стряслось-то?

Virtuоз не отвечает, он все еще не пришел в себя.

О н. Ему не понравилось?

О н а. Что ему могло не понравиться? Вы так прекрасно играли!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Он сказал что-нибудь?

В и р т у о з (*глухо*). Сказал.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Что?

В и р т у о з. "Почему такая большая скрипка?"

Н е с о з н а т е л ь н ы й. И все?

В и р т у о з. И велел мне уйти. Говорит, его от скрипки в сон клонит.

Пауза.

С о з н а т е л ь н ы й. Понятно. Придется опять начинать все сначала.

В автобусе снова воцаряется тишина. Все задумчиво сидят, глядя прямо перед собой. В глубине салона ссорятся Влюбленные.

В л ю б л е н н а я. Да пойми наконец, это глупо, тебе остается только завить волосы – и готов Отелло!..

Влюбленный молчит.

Если желаешь душить – я сниму плащ. Тебе будет сподручнее.

Влюбленный продолжает молчать.

Так что – снимать? (*Снимает плащ.*)

Влюбленный не реагирует.

Я только попросила у него автограф, что особенного? По-твоему, это уже секс?

Влюбленный. Дело не в сексе.

Влюбленная. А в чем?

Влюбленный. В душе. В том, что я наконец-то тебя раскусил. Если бы ты хоть мизинцем коснулась его, вас обоих уже не было бы в живых, я бы... При чем тут секс, об этом и речи быть не может. Но я не думал, что ты так легко падаешь на первого встречного.

Влюбленная. Ни на кого я не падала. Я только попросила автограф.

Влюбленный. Ну конечно, она только попросила автограф!.. Знаем мы эти номера, с этого и начинается – не сразу же раздеваться!

Влюбленная. Перестань! Ну что я такого сделала? Да он, кстати, и не дал мне автограф.

Влюбленный. Потому что кругом народ.

Влюбленная. Дурачок! (*Взъерошивает ему волосы.*)

Влюбленный (*отодвигается*). Конечно, дурачок, я же не виртуоз.

Влюбленная. Удушение Дездемоны объявляю открытым.

Слабонервных просят зажмуриться.

Влюбленный. Что вы только находите в этих артистах! Чуть завидят где актера, режиссера – так и прилипнут! Словно они о двух головах...

Влюбленная. Ну хватит же! (*Пытается обнять его.*)

Влюбленный (*не дается*). Подумаешь, невидаль! До пояса – баба, от пояса – рыба!.. А не замечаете, что они пустые, тщеславные, бездуховные, без всяких нравственных устоев... И любят только самих себя. Да, только себя, ни на какую другую любовь не способны! "Искусство"!.. "Храм"... А все-таки пошел играть, верно? Сдался! Виртуоз!.. Еще чуть поднажать, он будет и на свадьбах наяривать, и на крестинах. А может, уже наяривает.

Влюбленная. Да перестань ты! (*Пытается погладить его по голове.*)

Влюбленный (*раздраженно отшатывается*). Но зато они знаменитые!.. Популярные!.. Их все знают!.. Перед бельгийским королем играют!..

Влюбленная (*нежно дотронувшись пальцем до кончика его носа*). На глазах глупеешь. Перестань. Оставь что-нибудь и на после свадьбы.

Времени будет вдоволь.

Влюбленный. Виртуоз!.. А может, Караян вовсе не из-за него слезы лил!.. Откуда ты знаешь! Может, этому Караяну просто что-то попало в глаз?.. Может, он лук резал!

В л ю б л е н н а я (*прыснул со смеху*). На концерте? В Королевской опере? По-твоему, он прямо в ложе резал лук? В антракте?.. Ну пожалуйста, ну не дури! Ты же видишь, ничего не случилось, мы с тобой вместе, мы – это мы... Не надо...

В л ю б л е н н ы й. Я не дурую, я просто... (*Смотрит ей в глаза.*)

В л ю б л е н н а я. Я знаю. Именно поэтому не надо. Молчи, молчи, дай руку, положи сюда... (*Кладет его руку себе на талию.*) Но больше никуда... Вот так хорошо...

Тишина в автобусе вдруг сменяется страшным треском, автобус высоко подскакивает, на мгновение свет гаснет, всех ослепляют встречные фары, потом свет зажигается вновь, слышен шум удаляющихся грузовиков. Разминулись... Кое-кто из пассажиров попадал на пол, теперь они поднимаются, снова садятся на свои места.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Чуть-чуть не "поцеловались"!

О н а. Я подумала – это конец. Как подскочит вверх...

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Спасибо, что не вниз. (*Жестом показывает, как оси катятся в пропасть.*)

С о з н а т е л ь н ы й. И это будет.

О н. Странная у вас какая-то уверенность.

С о з н а т е л ь н ы й. Всякому везенью приходит конец. Рано или поздно счастье отворачивается.

О н. Пока что оно с нами.

С о з н а т е л ь н ы й. Я не привык полагаться на везенье. Оно может изменить в нужную минуту.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Правильно. Мы не можем ждать милостей от природы...

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Что значит шарахнули по башке монтировкой – совсем другой человек стал!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Дело не в монтировке, а в мировоззрении.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Разве он тебя мировоззрением шарахнул?

С о з н а т е л ь н ы й. Сейчас не самый удачный момент для юмора.

О н. Человечество смеясь прощается со своим прошлым.

С о з н а т е л ь н ы й. Иной раз можно распрощаться и с будущим.

О н а. Прекратите свои намеки. Он принимал участие.

С о з н а т е л ь н ы й. Знаем, знаем, в чем он принимал участие. Тем не менее осложнившаяся ситуация требует от нас не юмора, а действий. В противном случае мы и впрямь распрощаемся со своим будущим. Еще два-три таких прыжка – и все!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Я – за.

С о з н а т е л ь н ы й. Это автобус, на нем долго не попрыгаешь. Даже если

ни на кого не налетим – развалимся на куски. Поэтому предлагаю применить другой подход.

О н а. Какой?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Я – за.

С о з н а т е л ь н ы й. То, чего не сделала музыка, сделает женщина.

О н. В каком смысле?

О н а. Ни за что!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Я – за.

С о з н а т е л ь н ы й. Я хотел сказать, что женщина, вступив с ним в чисто духовное, эмоциональное общение, с помощью одних флюидов заставит его повернуть назад, довезти нас до города или по крайней мере дать нам сойти.

О н. Иными словами, мы должны послать к нему женщину?

С о з н а т е л ь н ы й. Это единственный выход.

О н. Об этом не может быть и речи! Выкиньте из головы.

С о з н а т е л ь н ы й. Речь идет не о вашей... однокласснице. Тут требуется нечто более... как бы это выразиться... *(В затруднении.)*

О н а *(задетая этим)*. По-вашему, я "менее", не так ли?

С о з н а т е л ь н ы й. Что вы, напротив! Если хотите знать, вы очень даже "более"... Но в данном случае, сами понимаете...

О н а *(мужу)*. А ты молчи.

С о з н а т е л ь н ы й. Видите ли, чтобы установить первоначальный контакт, требуются женщины более... контактные, ведь на этой стадии не обращаешь внимания на богатый внутренний мир, на тонкий интеллект, на высокую духовность и прочее – чем вы, несомненно, обладаете...

О н а. Выходит, я уродина?!

С о з н а т е л ь н ы й. Помилуйте, с чего вы взяли? Никто ничего подобного не говорил!

О н а. Как не говорили? Вы сказали, что у меня богатый внутренний мир. Знаете, когда так говорят? Когда у женщины ни кожи, ни рожи.

С о з н а т е л ь н ы й. Клянусь вам, лично мне вы очень, очень нравитесь... И...

О н. Что тут происходит? Чья она одноклассница – ваша или моя? Еще немного – и вы при мне начнете объясняться ей в любви! *(К жене.)*

Выходит, все сплетни, какие я о тебе распространял, никакие не сплетни?

О н а. А зачем он меня оскорбляет? Может, я не Клаудиа Кардинале, но я не позволю, чтоб мне говорили про богатый внутренний мир! Богатый внутренний мир бывает у женщин после шестидесяти!

С о з н а т е л ь н ы й. Помилуйте, я бы рад делегировать вас, но я предвидел бурную реакцию вашего одноклассника...

О н. Не понимаю, к чему толочь воду в ступе? Она никуда не пойдет! Не то

прольется кровь... (*Многозначительно смотрит на Сознательного.*)
С о з н а т е л ь н ы й. Кровь так или иначе прольется, если мы никого к нему не пошлем. (*Показывает в сторону кабины водителя.*)
О н. Кого же вы хотите?
С о з н а т е л ь н ы й (*кивает в сторону Влюбленных*). Девушку.
Н е с о з н а т е л ь н ы й. Я – за. Толковое предложение.
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Девчонка клевая.
О н. Девушку – можно.
С у п о н е в с к и й. Э-э, э-э, постойте-ка... Не слишком ли это будет того...
С о з н а т е л ь н ы й. Не слишком. Мы действуем в пределах разумной самообороны. И потом – не понимаю, что вас смущает: приятный дружеский разговор, две-три улыбки... Вот и все. Он не людоед, не съест ее.
Н е с о з н а т е л ь н ы й. А кавалер как же?
С о з н а т е л ь н ы й. Мы ему объясним. Он обязан почувствовать, какая ответственность ложится на них обоих. Мы предпочли их всем остальным. Это немалая честь.
Н е с о з н а т е л ь н ы й. Так давайте позовем.
С о з н а т е л ь н ы й. Зовите. (*Поправляет галстук, надевает очки.*)

Несознательный идет к заднему сиденью, о чем-то говорит с Влюбленными, после чего они втроем выходят на середину автобуса. Затемнение. Когда свет на сцене зажигается снова, Влюбленные стоят на сиденьях – он на одном, она на другом, – разделенные стоящими на помну пассажирами. Оба в ярости готовы на все. У Влюбленного в руке бутылка из-под водки, принадлежащая Безответственному. Размахнувшись, он разбивает ее о спинку кресла, и в руке остается горлышко с рваными краями.

В л ю б л е н н ы й (*кричит*). Сволочи! Не прикасайтесь к ней!.. Порежу каждого, кто к ней прикоснется!
С о з н а т е л ь н ы й. Не понимаю, зачем столько эмоций? Речь идет о том, чтобы просто поговорить...
В л ю б л е н н ы й. Вот сами и говорите!
С о з н а т е л ь н ы й. Но разговор должен быть... увлекательным, что ли. Вы же понимаете... Два-три человеческих слова, чуть сентиментально, чисто по-женски.
В л ю б л е н н ы й. Знать ничего не хочу! Первого, кто к ней прикоснется, порежу к чертовой матери!
С о з н а т е л ь н ы й. Как это – не хотите знать? Вы член нашего коллектива! У нас общие проблемы.
В л ю б л е н н ы й. Однако решить вы их хотите за наш счет?
С о з н а т е л ь н ы й (*показывая на Virtuоза*). Когда он пошел туда играть, он так вопроса не ставил.

Влюбленный. Это его дело. Отстаньте от нее, иначе всех перережу!
Безответственный. Да что его слушать? Сразу видать, нет у человека понимания. Девушка, ты-то хоть будь поумнее, сама видишь, в какой мы переплет попали, поди потолкуй с ним минутку-другую, авось не убудет тебя...

Безответственный пытается взять ее за руку, Влюбленная отдергивает руку. С воплем "Не смей!" Влюбленный, перепрыгнув через сиденья, бросается к ним. Остальные пытаются остановить его, урезонить, начинается общая свалка... Первым из кучи барахтающихся тел выбирается Влюбленный и возвращается на свое место, потому что Сознательный загородил от него Влюбленную, да и прочие пассажиры встают один за другим. Влюбленный вскакивает на сиденье и стоит там с разбитой бутылкой в руке. Он опять разлучен с Влюбленной.

Влюбленный. Я перережу себе вены! Если дотронетесь до нее, я вскрою себе вены! *(Засучивает рукава.)*
Сознательный *(внезапно усталым, огорченным тоном)*. Мы слишком погорячились. Пользы от этого нет никому никакой. Бросьте свою бутылку, она вам не понадобится. Мы не дикари, мы люди цивилизованные, девушек не едим. Что касается вен – не спешите: они и без бутылки очень скоро могут оказаться перерезанными, стекла в автобусе, как видите, предостаточно. *(Влюбленный невольно озирается по сторонам.)* Мы думали, что вы, молодое поколение, поймете, в каком мы отчаянном положении, и поможете нам всем. Вы не поняли. Для вас важнее личное, маленькое счастье, любовь, поцелуйчики... Мы верили, что вы, подобно Данко, вырвете из груди свое сердце и поднимете его высоко, чтобы осветить людям дорогу и спасти их. А вы предпочли вырвать наши сердца. Мы верили, что вы любите людей и готовы ради них на подвиг, хотя разве это подвиг – согласиться, чтобы твоя подруга побеседовала с простым человеком-тружеником? Увы, оказалось, что нет в вас любви к людям. Мы думали, вы способны на высокие, благородные чувства. Извините, молодой человек, что потревожили вас. Возможно, что-то в вашем лице ввело нас в заблуждение... *(Умолкает, вид по-прежнему разочарованный и примиренный.)*

Влюбленная. Надеетесь, он вас послушает? Клонет на вашу удочку?.. Думаете, его любовь похожа на вашу?.. Да что вы знаете о любви? Мещане, карьеристы, вам бы только урвать кость побольше, кусок пожирнее, поставить подножку ближнему!.. Вы же привыкли становиться в благородную позу, произносить громкие слова – ну скажите, что он обязан это сделать из любви к родине, народу, ко всему человечеству!..
Виртуоз *(направляется к ней, чтобы остановить, успокоить)*.
Девушка, милая, прошу вас, успокойтесь!

В л ю б л е н н а я. Читаете нам проповеди, учите морали, а сами тут же, тряся жирными животами, крадетесь к молодым любовницам!

О н (*вскакивает с места, кричит*). Хватит! Замолчи! Ходишь в девках, потому так и говоришь. Посмотрим, что ты запоешь, когда обзаведешься семейством...

В л ю б л е н н а я. Разглагольствуете о семье и обществе, о долге и ответственности, а на деле разрушаете и то, и другое, и третье. Что вы знаете о чувстве, которое делает человека свободным как птица? Вы – раскрашенные пустые куклы! И вы еще надеетесь, что он вас послушает? Поверит вам?.. Что он такой же, как вы?.. Бросьте, не смешите! Вы же нас совершенно не знаете, вы только вообразили, будто знаете. Знаете наши лица – да, мы ведь носим ваши фамилии. Но и только. Что вы знаете о любви?.. Только читали про нее, только смотрели в кино!.. Вы никогда, никогда не любили по-настоящему, глубоко и честно!

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Что ты нам толкуешь про любовь, когда мы вот-вот сверзимся в пропасть! Слышишь, нет? В про-пасть!

В л ю б л е н н а я. Ну и пусть! Тем лучше! Зачем жить, если твоя любовь умерла, ушла от тебя, если ты остался один? Какой смысл?.. Даже дерево, когда остается без листьев, ждет весны, прилета птиц, а как жить человеку, когда он остался без любви?

Б е з о т в е т с т в е н н ы й (*Влюбленному, серьезно*). Слушай, парень, баб на свете много. Перевернется автобус, она выживет, бабы всегда выживают, найдет себе другого, а ты уже где-то там... Скромный венок – "Славный был парень", она будет жить-поживать в свое удовольствие, дружки твои о тебе позабудут, повырастет над тобой травка, и по воскресеньям люди будут на этой травке закусывать, яички облупливать. Вот, мил человек, как оно бывает, уж ты мне поверь, я знаю, что говорю... Это тебе не кино. Как ни поступи – соглашайся не соглашайся, люби не люби, – все равно под конец останешься с носом. Бросят тебя, понимаешь, нет? Всех бросают!.. Вечной любви нету! Вечная только травка на могильном холмике да яичная скорлупа по воскресеньям. Ты слушай меня. Бутылка, которая у тебя в руке, – моя она. Вот спроси, почему я не держу ее в руке, как ты, а вместо этого пью. Почему? Может, думаешь, до тебя никто никого не любил? Пойми, мил человек, никакой вечной любви нету...

Влюбленный стоит задумавшись, опустив руку с бутылкой. Слова Безответственного явно произвели на него впечатление.

В л ю б л е н н а я. Не верь им! Это неправда!

С о з н а т е л ь н ы й (*тихо, с болью*). Правда это, правда! К сожалению, современная женщина уже не та, что раньше, когда она была и матерью, и

женой, и воительницей, знамена для повстанцев шила, сухари для них готовила... Женщина теперь эмансипированная, и если она тебе по два раза в неделю наставляет рога, это считается нормальным. У нее это называется "культурный отдых", "личное время женщины". А потом она с тобой разводится, отбирает квартиру, отбирает детей и выкидывает тебя на улицу.

Влюбленная. Зря тратите слова.

Сознательный. Луи Пастер сам заразил себя чумой, но ради того, чтобы испытать действие микроба и спасти человечество. А вы? Вы, конечно, еще молоды, но что вы успели сделать? Где вы учитесь?

Влюбленный. В архитектурном.

Сознательный. Где созданные вами здания? Дворцы? Где новые, невиданные доселе формы и силуэты? Если бы Корбюзье перерезал себе вены еще на студенческой скамье, не существовало бы церкви "Роншан", не было бы замечательного комплекса под Марселем, и люди не стали бы по-новому молиться, по-новому жить. Насколько беднее был бы мир без "Сент Андре де Жюст"!

Влюбленная (*кричит*). Одно с другим не связано! Наоборот!

Сознательный. Да и что такое любовь? Сидеть и смотреть друг другу в глаза? Или держаться за руки до полного изнеможения? Нет, любовь заключается в том, чтобы делать что-то для людей, для других. Любовь в том, чтобы отдавать себя всего без остатка! Вот это достойно человека, мужчины!

Влюбленная (*Влюбленному*). Слова, одни слова!..

Сознательный. И разве любовь – это только одна-единственная женщина на свете? Вот эта, и никакая другая? Откуда такая уверенность? И можно ли вообще быть в этом уверенным?

Несознательный. А у нее зубы-то редкие. Посмотрите сами!.. И волосы не очень...

Влюбленный невольно смотрит.

Безответственный. Насчет волос не знаю, но голос... Не девичий голос.

Несознательный. Неудобно, конечно, но посмотрите – никакого бюста...

При каждом упоминании о том или ином дефекте девушки Влюбленный невольно взглядывает на нее.

Влюбленная (*Влюбленному*). Не слушай их! Заткни уши!

Н е с о з н а т е л ь н ы й. А ноги? Конечно, для ходьбы это годится, но в остальном... *(С сомнением качает головой.)* Посмотрите сами!..

С о з н а т е л ь н ы й. Циник! Отойдите оттуда! Отойдите, вам говорят! *(Влюбленным, отечески.)* Вас ожидает прекрасное будущее, бросьте вы эту бутылку, зачем она вам? Бросьте!

В л ю б л е н н а я. Нет! Не бросай!.. *(Рывком бросается к окну, разбивает ногой стекло, хватается за оконную раму.)* Скажи одно слово – и я выпрыгну! Они ничего не могут с нами сделать! Только скажи!.. Не бросай бутылку!.. Не бросай!

Все напряженно ждут, как поступит Влюбленный.

В л ю б л е н н ы й *(страдальчески)*. А правда, зачем устраивать из всего драму?

Влюбленная смотрит на него широко раскрытыми глазами. Он медленно выпускает бутылку из рук, смотрит на Влюбленную.

Правда, зачем?.. Пошли сядем!..

Он медленно опускается на сиденье. Остается стоять только Влюбленная, она возвышается над всеми остальными – бледная, с искусанными в кровь губами и невидящим взглядом.

Пауза.

С о з н а т е л ь н ы й *(отеческим тоном)*. Сядьте, милая, сядьте!..

Она продолжает неподвижно стоять.

Автобус трясет, вы можете упасть, ушибетесь, будет больно.

В л ю б л е н н ы й. Да, в самом деле, еще упадешь. Иди сюда! Сядь!

Влюбленная по-прежнему стоит, глядя вверх их голов, ничего не видя и не слыша.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Ты хоть держись за что-нибудь. В дальних автобусах стоя не ездят. *(Незаметно крадется к ней.)*

В л ю б л е н н ы й. Правда, иди сюда.

С о з н а т е л ь н ы й. Послушайте, спуститесь, слезьте... Вот так... *(Вместе с Безответственным, крепко схватив ее, относит на прежнее место.)* Не могу понять, к чему все эти эмоции... Ну как, успокоились?

В л ю б л е н н а я. Успокоилась.

С о з н а т е л ь н ы й. Вот и хорошо... Очень хорошо... Хотя... пока мы в

таком положении, нам успокаиваться рано. Может быть, все же пойдете, а? Девять человек спасете от гибели. Согласитесь, это все-таки гуманно... по-человечески...

Влюбленная молчит.

Ну что?

Влюбленный. Не приставайте к ней. Пусть решает сама...

(Влюбленной.) Если хочешь знать мое мнение, я против, но... Решать тебе.

Подумай, взвесь. Лично я... категорически против.

Сознательный. И так?

Влюбленная (покорно). Хорошо.

Сознательный. Замечательно!

Несознательный. Наконец-то проявила сознательность.

Он. Умница!

Сознательный. Ваша задача – растрогать его, задеть какие-то струны, заставить его смягчиться – и только! Легкая дрожь в голосе, легкий блеск в глазах, несколько слов, всего несколько слов. Сила женщины безмерна, без нее мы ничто... Идите! Вперед!

Влюбленная молча смотрит на Влюбленного.

Влюбленный. Не следовало соглашаться, но раз ты так решила... А впрочем, может, это и правильно, я ничего не говорю... Мимолетная улыбка, теплый грудной голос, влажный взгляд. Ты это умеешь!

Проникнутая ответственностью своей миссии, Влюбленная молча приводит себя в порядок, смотрится в зеркальце и решительным шагом идет к кабине.

Сознательный. Побольше улыбайтесь, главное – побольше ему улыбайтесь!

Влюбленная оборачивается, покорно кивает в знак того, что поняла, и скрывается за занавеской. В автобусе наступает тишина. Потом из кабины начинает долетать смех. Тональность смеха все время меняется.

Безответственный. Что-то больно много смеются.

Сознательный. Только бы не было осечки.

Несознательный. Нет, девчонка – первый сорт.

Он. А какая умница! Как она нас только что отделала, слышали? Неужели какого-то шофера не охмурит?

Она. Не беспокойтесь, женщины умнее мужчин.

С о з н а т е л ь н ы й. Сознательная девушка...
Н е с о з н а т е л ь н ы й. Что верно, то верно.

В смехе слышатся модуляции особого свойства, потом он стихает, и наступает тишина. Пассажиры прислушиваются.

В л ю б л е н н ы й (*с беспокойством*). Уже почему-то не смеются...
Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Нельзя же скалиться без перерыва.
С о з н а т е л ь н ы й. Вероятно, сейчас особенно трудный участок дороги.
Н е с о з н а т е л ь н ы й. Да справится она, не девчонка – огонь.
В л ю б л е н н ы й. Меня беспокоит другое!
О н. Да вы что? Он же за рулем!

Тем не менее все прислушиваются. Тишина. Смех умолк. Немного погодя из-за занавески выходит Влюбленная. Она застегивает на себе юбку, потом принимается за блузку, расстегнутую так, что видна обнаженная грудь. Все, пораженные, смотрят на нее, никто не произносит ни слова, она тоже молчит, кое-как застегивает блузку, поправляет растрепавшиеся волосы. Потрясена, не может опомниться. Все смотрят на нее с ожиданием.

В л ю б л е н н а я (*почти сквозь слезы, но твердо*). Я ничего не сказала!..
Ничего из того, что вы мне велели... Я сказала ему, чтоб он ехал быстрее!
Чтобы как можно быстрее попасть в Плевен! Я сказала, что обожаю
скорость, риск, обожаю мчаться по краю пропасти. Что настоящие
мужчины ездят именно так... Люблю тебя, сказала я ему, ты давно мне
нравишься, целое лето поджидаю тебя на остановках. А потом расстегнула
молнию!
В л ю б л е н н ы й (*кричит*). Врешь! Врешь! Ты все это выдумала!
В л ю б л е н н а я. Я сказала ему, что он сильный, мужественный, в
точности такой, каким я его себе представляла, что мне нравятся именно
такие, твердые как кремень...

Пауза.

Он не мог расстегнуть мне блузку, оторвал пуговицы... (*Последние слова произносит еле слышно, словно припоминая.*)

В л ю б л е н н ы й (*тихо*). Это неправда. Неправда. Это твои фантазии...
Неправда.

В л ю б л е н н а я (*так же тихо*). Это правда.

В л ю б л е н н ы й (*вопит*). Нет, нет! Ты врешь!.. Ты нарочно так
говоришь, чтобы меня унижить!.. Сделать больно, отомстить!.. Это
неправда! Признайся, что неправда. Признайся, что ты наврала!

В л ю б л е н н а я. Нет, это правда. Все было именно так... Он пообещал гнать вовсю. Приятной всем поездки!

Она идет в конец салона, садится на пол, на запасную покрышку. В наступившей тишине начинает звучать виолончель – горестная осенняя мелодия. Влюбленный обходит автобус, ряд за рядом, убеждая остальных пассажиров.

В л ю б л е н н ы й. Это неправда, она выдумывает... Это просто ее фантазия, очередная фантазия... Выдумки... Слышите? Выдумки!..

Поскольку пассажиры молча смотрят перед собой, он, обойдя автобус раза два, умолкает и опускается на пустое сиденье в середине салона. Похожая на человеческий голос, задумчиво и печально звучит мелодия виолончели, спрашивает и, не получив ответа, тонет в тишине салона.

С о з н а т е л ь н ы й (*замахивается на девушку, со злостью*). Несется как сумасшедший! Ничего не можем довести до конца, обязательно кто-нибудь в последнюю минуту все испортит! (*Влюбленной.*) Как вы могли? (*Толкает ее, она падает на пол.*) Почему не подумали о других? Вам ни до чего нет дела!

С у п о н е в с к и й (*встает*). А вам, что ли, есть? Вы хоть о ком-то, окромя себя, думаете? Вон, цельный вечер слушаю. Хоть бы разок сказали "Ладно, это сделаю я" или "Давайте, братцы, сделаем вместе". Не-е, все чтоб другой кто пошел, чтоб другого шарахнули, а я, мол, из любой воды сухонький вынырну. Ан нет! Всем нам одна судьба, всем мокренькими быть, помяни мое слово.

С о з н а т е л ь н ы й. Вот и пошел бы сам к водителю, чем философию разводить! Философствовать каждый может.

С у п о н е в с к и й. Ты-то ходил?

С о з н а т е л ь н ы й. Считайте, что ходил, ведь мы все это время действовали сообща...

С у п о н е в с к и й. Ну да, ну да, "считайте, что ходил", "считайте, что я согласен", "считайте, что не согласен"... Ты весь вечер эдак-то... Но одно дело пойти, а другое – не пойти.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Ты, дядя, соображаешь, что говоришь?

С о з н а т е л ь н ы й. Ну вот, опять началось... Надо действовать, а мы дискуссии разводим. Ума не приложу, как выйти из положения...

В л ю б л е н н ы й (*который попытался подсесть Влюбленной, но был решительно и бесповоротно отвергнут*). Дайте ему хлеб – вот как! Ему ведь нужно три буханки, соберите и отдайте ему!..

С о з н а т е л ь н ы й. Что? Отдать ему свой хлеб?

О н. С ума сошел!

Безответственный. Как вмажу тебе!

Она. Глупость какая!

Сознательный. Вы понимаете, что это означает?

Влюбленный. Понимаю. А все равно отдадите, другого выхода нет.

Неужели не ясно?

Она. Как это нет?

Несознательный. Но ведь это мой хлеб. Мой!

Сознательный. Если бы дело было только в этом, мы бы сразу собрали и не пришлось бы ехать в такую даль. Но кто же отдаст свое кровное?

Влюбленный. Не хотите отдать хлеб – отдадите концы. И вырастет над нами травка. Красивый зеленый лужок – заранее вижу, как садятся на него бабочки, сперва на тебя, потом на тебя, потом на тебя, на вас, на него...

Оглушительный треск, вой, свет фар, машины разъезжаются, не столкнувшись.

Сознательный. Ну что? "Звонок оттуда"... Давайте делиться, другого выхода нет. Даю полбуханки.

Несознательный. Я тоже.

Он. Погодите, погодите, так ничего не получится. Мы дадим по полбуханки, товарищ полбуханки, товарищ полбуханки, итого две. А где взять третью?

Сознательный. Я больше половины дать не могу. Если каждый отдаст половину того, что имеет, может выйти не три буханки, а даже пять... Вот, например, у него (*показывает на Безответственного*) с собой две буханки.

Безответственный. Ну и что? С какой это радости я целую буханку отдам, а ты половину? Только потому, что я купил две?

Он. Неизвестно, кто сколько купил.

Сознательный. Почему неизвестно? Я одну.

Несознательный. Я тоже.

Он. Чтобы все было по-честному, давайте все вынем свой хлеб и положим сюда. (*Показывает на сиденье.*) Вот наш. (*Вынимает две буханки, кладет.*)

Безответственный. Мой вот. (*Показывает сетку, в которой видны две буханки.*)

Несознательный. Вот мой. (*Показывает.*)

Сознательный. А вот мой. (*Показывает набитый портфель.*)

Безответственный. Э-э нет, милок, погоди!.. (*Подходит, открывает портфель, извлекает оттуда две буханки.*) Это, по-твоему, одна?

С у п о н е в с к и й. Ишь ты, а толкует про народ, которому только бы нога обдурить!

О н. Конечно, это грабеж среди бела дня, но что делать? И так, в наличии семь буханок. Если каждый отдает половину того, что имеет, получается... *(Посчитывает.)* Три буханки с половиной.

О н а. А теперь на полбуханки больше!

О н. Да-а, опять проблема... Что будем делать?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Извините, но поскольку моя половина оказалась лишней, я согласен взять ее назад. Ради общего дела. *(Забирает свой хлеб, пытается юркнуть в сторону.)*

С о з н а т е л ь н ы й *(хватает его)*. Что значит – во имя общего дела?

Одни, значит, отдают, а другие нет? Не согласен. Тогда я тоже ничего не дам. *(Забирает у него буханку.)*

Молча, быстро и точно разыгрывается пантомима с этой буханкой. Безответственный вырывает ее из рук Сознательного. Муж – у Безответственного, Сознательный снова у Мужа. Жена у Сознательного...

С у п о н е в с к и й. Нехорошо так с хлебушком-то, люди добрые, грех, срамota! Эй, будет вам!

Никто не обращает на него внимания. Безмолвная битва за буханку продолжается. Несознательный выхватывает буханку у Сознательного и с воплем бежит к кабине.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Почему вы мне мою половину не оставите? Ведь нужны три буханки. У вас у всех по две, а у меня одна!

С о з н а т е л ь н ы й. Из принципа. Мы все равны. И дать должны поровну. Тогда никто не окажется ущемленным. *(Снова завладевает его буханкой.)*

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Как же не будем? Я буду, у меня всего полбуханки останется.

Безответственный выхватывает у него хлеб, Virtuоз торопливо отщипывает кусочек и начинает жевать. Сознательный отнимает хлеб у Безответственного, Она – у Сознательного, Он – у Нее, разламывает буханку надвое. Все торопливо, молча отщипывают от обеих половинок буханки, пока в руках Мужа не остается совсем крохотный кусочек. Он озирается и отдает его Несознательному, который все время потрясенно и безмолвно наблюдал за тем, как его хлеб исчезал во ртах и руках остальных пассажиров. А те уже успели похватать с сидений свои буханки, говоря при этом:

С о з н а т е л ь н ы й. В таком случае я вообще ничего не дам.

О н а. Мы тоже.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. И я.

Каждый прячет свой хлеб, а жует хлеб Несознательного.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Принципиальные! И в этом ваш принцип – вырвать у человека кусок изо рта? Ладно, жрите, подавитесь! Набивайте брюхо углеводами и подышайте, раз вы такие принципиальные. Во всей Европе едят по ломтику хлеба в день, да еще такому тоненькому, что через него, как через сито, насквозь видно, а наш брат болгарин знай наворачивает...

Он произносит этот монолог, идя по проходу от сиденья к сиденью, а под конец садится на свое место.

Неожиданно раздается насмешливый голос Влюбленного.

В л ю б л е н н ы й. Вот не подозревал, что хлеб такой вредный! Теперь пусть меня режут – крошки больше не возьму!

С у п о н е в с к и й. Погоди-ка, в таком разе мне моих свиней кормить али нет?

В л ю б л е н н ы й. Чем кормить?

С у п о н е в с к и й. А хлебом. В мешке-то хлеб у меня. Нынче с кормами беда...

Все подскакивают как ужаленные, обступают Супоневского.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Так у тебя, дядя, тут хлебушек, а? (*Ощупывает мешок.*)

С у п о н е в с к и й. Кормов-то не достать...

О н а. Дайте я вас поцелую! (*Целует его.*)

С о з н а т е л ь н ы й. Не зря народная мудрость говорит: запасливый лучше богатого! (*Крепко жмет ему руку.*)

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Вековые добродетели живут в нашем народе! (*Хлопает Супоневского по плечу.*)

О н. Теперь все в норме. Мы спасены! Молодец! (*Тожже хлопает его по плечу.*)

С у п о н е в с к и й. Чего это вы так обрадовались?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Как чего? Дадим ему хлеба – и порядок! (*Показывает на кабину.*)

С у п о н е в с к и й. Не, это я для свиней!.. Да и черствый он, с коих пор лежит.

С о з н а т е л ь н ы й. Неважно. Важно, что хлеб.

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Мы ему не скажем.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Не к чему перегружать его лишней

информацией.

С у п о н е в с к и й. Э-э, негоже это – человека в обман вводить! Срамота!..

С о з н а т е л ь н ы й. Спокойнее, спокойнее, это мы берем на себя.

Нормальный хлеб, такой же, как любой другой, с тем же содержанием муки, воды и соли.

С у п о н е в с к и й. Как это такой же, когда он в мешке!

С о з н а т е л ь н ы й. Мешок роли не играет. В данном случае это всего лишь упаковка, форма. Для нас главное не форма, а содержание.

(Несознательному.) Достаньте три буханки.

С у п о н е в с к и й. Вам виднее, но все же не дело это – человека обманывать, грех!..

С о з н а т е л ь н ы й. Оставьте вы эти пережитки... Кто пойдет?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. С вашего разрешения – я. Давно хочется выполнить какое-нибудь задание, сделать что-то полезное.

С о з н а т е л ь н ы й. Прекрасно. Что ему сказать, конечно, знаете?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Да неужели же... *(Захватив три буханки, скрывается за занавеской.)*

Пассажиры с облегчением вздыхают, спокойно рассаживаются.

С о з н а т е л ь н ы й *(вытирая лицо платком)*. Уф, наконец-то! Я уже был на грани отчаяния.

О н. Ну историйка, просто художественный фильм! *(Облегченно вздыхает.)*

О н а. Кошмар! *(Причесывается.)*

С у п о н е в с к и й. Ох, помяните мое слово, не надо было его обманывать!

В это мгновение из-за занавески появляется Несознательный. Он в полной растерянности, все три буханки несет назад.

С о з н а т е л ь н ы й. Что случилось? Почему вы несете хлеб обратно?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Не берет.

С о з н а т е л ь н ы й. Как – не берет? Ведь ему нужен был хлеб?

Н е с о з н а т е л ь н ы й. А теперь больше не нужен. Я, говорит, хочу мать повидать, поговорить с ней, послушать, как шепчутся деревья в саду, воздухом родным подышать, к отцовской могиле подойти, на дедовскую саблю взглянуть.

Б е з о т в е т с т в е н н ы й. Это же надо, теперь ему саблю подавай!

Откуда мы ему саблю возьмем? С хлебом проще – вон, целый мешок!

Пауза.

О н а. Как же нам быть?

В автобусе воцаряется тревожная тишина. Ситуация снова осложнилась, и выхода не видно. В воздухе накопилось столько досады, страха и отчаяния, что необходимо найти виновника. И виновник находится.

Безответственный (*Сознательному*). Ты, ты во всем виноват!
Говорил тебе Супоневский – не обманывай человека, грех, а ты пережитки!
О н. Мешок – это, видите ли, только форма!

О н а. Упаковка!

Безответственный (*встает и засучивает рукава*). И вообще весь вечер играешь у людей на нервах: "Это делай, того не делай, не обобщай..."
Учитель нашелся!..

О н. Мало того, еще шляпу надел!

О н а. И командует!

Безответственный. Водитель вмиг усек, что буханка из мешка, потому и не взял. Усек, это я вам точно говорю.

Сознательный. Но он же ясно сказал – он хочет в Плевен! Хлеба он не хочет.

О н. Может, и захотел бы, если бы мы не предложили ему тот, что для свиней!

Безответственный. Теперь свой хлеб отдашь! Не желаем из-за тебя пропадать! Гони сюда хлеб, я отнесу. Может, и возьмет.

О н. Дайте хлеб. (*Тянется к портфелю.*)

Сознательный. Не смейте!

О н а. Давайте хлеб!

Безответственный. Давай, что ли!

Сознательный (*теснимый всеми, забирается с ногами на сиденье*).

Это мой хлеб! (*Перепрыгивает на соседний ряд.*) Он не хочет хлеба!..

Остальные пытаются схватить его.

Я буду кричать! Это не наши методы! (*Убегает от преследователей.*) Это какое-то Чикаго! (*Бежит по салону, перепрыгивает через сиденья.*)

Безответственный. Стой!

О н а (*пытаясь догнать*). Держите его!

О н. "Чикаго"!.. Я тебе покажу Чикаго!

Несознательный. Стой! Стой!

Сознательный. Нет! .. Граждане!.. Братья... Нет, нет!

Супоневски и. Да будет вам... Нехорошо... Срамота...

Виртуоз. Вы мне заплатите! Вы мне за Искусство заплатите!

(Пытается догнать его.)

Поняв, что он окружен, Сознательный неожиданно бросает портфель с хлебом в разбитое Влюбленной окно. Преследователи приходят в бешенство. Безответственный наносит ему жестокий удар в живот.

В л ю б л е н н а я *(кричит)*. Нет, нет! Не надо!

Сознательный от удара отлетает, Он сильным ударом отбрасывает того к стене, хватая за лацканы пиджака, отрывает оба. Сознательный пытается убежать, но наталкивается на Несознательного, который ударом отшвыривает его в противоположный конец автобуса.

Перестаньте! Остановитесь! Не надо! *(Устремляется, вслед за Сознательным, желая помочь ему, остановить избиение.)* Нет!

Виртуоз наносит Сознательному новый удар, отбрасывает в конец автобуса, где Влюбленный встречает его очередным ударом, который отбрасывает его снова на середину.

Перестаньте же! Не надо! Не надо!

Безответственный резким движением отрывает от рубахи Сознательного рукав (пиджак тот уже потерял в ходе драки) и ударом посылает его к кабине водителя.

Перестаньте! Остановитесь!

Влюбленная пытается сзади схватить Безответственного за руки, но тот сильным движением отпихивает ее, она отлетает назад и падает. Сознательный, шатаясь, отходит от кабины, но Безответственный новым ударом отсылает его назад, тот падает. Все набрасываются на лежащего. Безответственный хватая разбитую бутылку, замахивается... И за миг до удара автобус внезапно останавливается: визг тормозов, толчок, неподвижность. Это действует на озверевших пассажиров как холодный душ. Они тоже застывают неподвижно... Озираются.

О н а *(растерянно)*. Остановился!

Пауза. Все смотрят в окно.

В и р т у о з. Он смотрит на нас!

Все поворачивают головы к кабине.

В л ю б л е н н ы й *(растерянно, недоуменно)*. Почему он на нас уставился?

Пауза.

С у п о н е в с к и й. Потому что вы чуть человека не порешили! Вот почему!

Мертвая тишина, все стоят неподвижно, глядя друг на друга. В тишине слышны звуки включаемого двигателя, застучал мотор...

Н е с о з н а т е л ь н ы й. Поворачивает!..

Пауза.

Все стоят не шевелясь. Потом молча, медленно, неслышно расходятся по своим местам. Только Сознательный, всклокоченный, оборванный, сидит на полу. Ритмично, без перебоев, работает мотор. Немного погодя Сознательный поднимается с пола, он в одном ботинке, рубаха разодрана, у шляпы оторваны поля. Он робко идет к своему месту.

С о з н а т е л ь н ы й (*негромко*). Мы возвращаемся!.. (*Садится.*)

Все неподвижно сидят лицом к публике, смотрят в зрительный зал. Супоневский поднимается, подходит к Влюбленной, которая все еще сидит в глубине автобуса на полу, куда ее пихнул Безответственный, опускается рядом с ней на пол. Шум мотора делается все громче, громче, громче...

Занавес